

АНРИ ПЕРРЮШО

Тулуз-Лотрек

БИОГРАФИИ ВЕЛИКИХ ХУДОЖНИКОВ

Анри Перрюшо
Тулуз-Лотрек

«АСТ»

1955

УДК 75.071.1 Тулуз-Лотрек
ББК 85.143(4Фра)-8 Тулуз-Лотрек

Перрюшо А.

Тулуз-Лотрек / А. Перрюшо — «АСТ», 1955

ISBN 978-5-17-103320-0

Анри Перрюшо – талантливый французский писатель, исследователь жизни и творчества художников-импрессионистов Сезана, Гогене, Ван Гога, Ренуара и др. Книга о Тулуз-Лотреке (1864-1901) – первое полное издание на русском языке. Это достоверный и богато документированный рассказ о короткой и драматической жизни художника. На фоне притворно-беспечного веселья Монмартра, парижской богемы автор показывает истинное лицо художника, его искания, муки, сомнения, рисует сложный и богатый мир его духовной жизни. Тяжело больной, обиженный судьбой, он предстает в книге как человек большой души.

УДК 75.071.1 Тулуз-Лотрек
ББК 85.143(4Фра)-8 Тулуз-Лотрек

ISBN 978-5-17-103320-0

© Перрюшо А., 1955
© АСТ, 1955

Содержание

К читателю	6
Пролог	8
Часть первая	33
I	33
II	48
III	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анри Перрюшо Тулуз-Лотрек

«LA VIE DE TOULOUSE-LAUTREC» by Henry PERRUCHOT

© Librairie Hachette, 1955

© ООО «Издательство АСТ»

К читателю

Мне выпала отнюдь не легкая задача. Еще при жизни Тулуз-Лотрека о нем ходило много легенд. Я же стремился раскрыть истинное лицо художника.

На первый взгляд может показаться, что вся жизнь Лотрека прошла на людях и потому известна, но это впечатление обманчиво. Глубоко ошибаются те, кто полагает, что достаточно мысленно представить себе феерическую атмосферу Монмартра того времени, чтобы понять Лотрека. Яркий искусственный свет Монмартра чаще всего искажал облик Лотрека. Монмартр для него был не только декорацией, на ее фоне он умел видеть людей в их обнаженной сути. За нарочито беспечным весельем Монмартра он, лучше, чем кто-либо другой, угадывал горькие слезы. Он никогда не обманывался. Ни в ком и ни в чем. И не обольщал себя напрасной надеждой. Его жизнь была короткой и драматичной. Лотрек ни на минуту не забывал о своей трагедии, но скрывал это, боясь вызвать жалость. Обиженный судьбой калека был истинным аристократом духа, и многие, даже самые близкие ему люди не всегда догадывались о его мучительной ране. Пожалуй, трудно найти человека, который бы так предельно ясно осознавал свою участь и относился к ней так трезво.

Жизнь этого человека я и попытался описать в своей книге. Здесь, как в моих книгах о Ван Гоге и Сезанне, нет места домыслу. Я старался быть как можно ближе к истине, быть предельно точным. Нужно ли говорить, что я не жалел сил, чтобы достичь этой цели? Я читал и сравнивал все, что было издано о Лотреке. Познакомился со всеми неопубликованными материалами, которые смог найти, опросил людей, знавших художника, побывал в местах, где он жил, собрал сведения о людях, которые сталкивались с ним в его бурной короткой жизни.

Работа над книгой была бы для меня непосильной, если бы целый ряд лиц, в той или иной степени имевших отношение к художнику, не пришли мне на помощь. Благодаря им мне удалось раскрыть многие неизвестные дотоле факты из жизни Лотрека, полностью восстановить его биографию, уточнить некоторые иногда очень важные подробности и глубоко проникнуть в душу моего героя. О семье художника, детстве и юности мне дала ценные сведения его родственница – мадемуазель Мэри Тапье де Селейран, чьи труды не имеют себе равных. Она же рассказала мне о художнике, показала замок Боск. Робер де Монкабрие, тоже родственник Лотрека, к тому же одно время считавшийся его учеником, был настолько любезен, что письменно подробно ответил на мои вопросы. Немалую помощь оказал мне Сергей д'Эрвиль (Сильвен Бонмариаж): он великодушно предоставил в мое распоряжение записи своих бесед со свидетелями жизни Лотрека, которые он вел в течение многих лет, в частности с Джейн Авриль, Роменом Коолюсом, Дега, Максимом Детома, Альфредом Эдвардсом, Феликсом Фенеоном, Фоти, мадам Айрем, Шарлем-Эдуаром Люка, Л.-О. Ракеном, Амбруазом Волларом и другими. Мишель-Анж Бернар разрешил мне пользоваться архивом его отца, Эмиля Бернара. Франсис Журден, Эдмон Эзе и доктор Луи Шуке, зять Адольфа Альбера, охотно поделились со мной своими воспоминаниями о Лотреке и некоторых его друзьях. Мсье и мадам Экстеенс дали мне интересные сведения о Гюставе Пелле и других близких художнику людях. Эмиль Потье, мэр Виллье-сюр-Морен, помог мне восстановить многие детали, связанные с пребыванием Лотрека в этом местечке. Доктор Гастон Леви рассказал мне о болезни Лотрека, предопределившей его судьбу. Жан Адемар, помощник хранителя Кабинета эстампов, труды которого являются ценным вкладом в литературу о Лотреке, с большой готовностью предложил мне свою помощь, равно как и мадам Тюлар, заведующая архивом префектуры полиции. Исследования мадам Марсель Дюшмен, служащей в инспекции психиатрических больниц, многое добавили к собранному мною материалу о пребывании Лотрека в лечебнице доктора Семеленя в Нейи. Мсье Роми допустил меня

к своей редчайшей коллекции документов и указал нужные источники информации. И, наконец, я должен принести свою глубокую благодарность мадам дю Феррон-Анкетен, невестке Луи Анкетена, профессору Анри Мондору и профессору Логру, докторам Семеленю-сыну, Пьеру Валлери-Радо, Р. Шантемессу, Шарлю Лорану, Андре Девешу, Морису Ламбийотту, Арману Готу и Люсьену Ноэлю, которые помогли мне обогатить собранный мною материал и уточнить ряд фактов. Выражаю всем им свою искреннюю признательность.

А. П.

Пролог Маленькое Сокровище (1864–1879)

Нет в мире вещи, стоящей пощады.

Творенье не годится никуда.

Гёте. «Фауст»

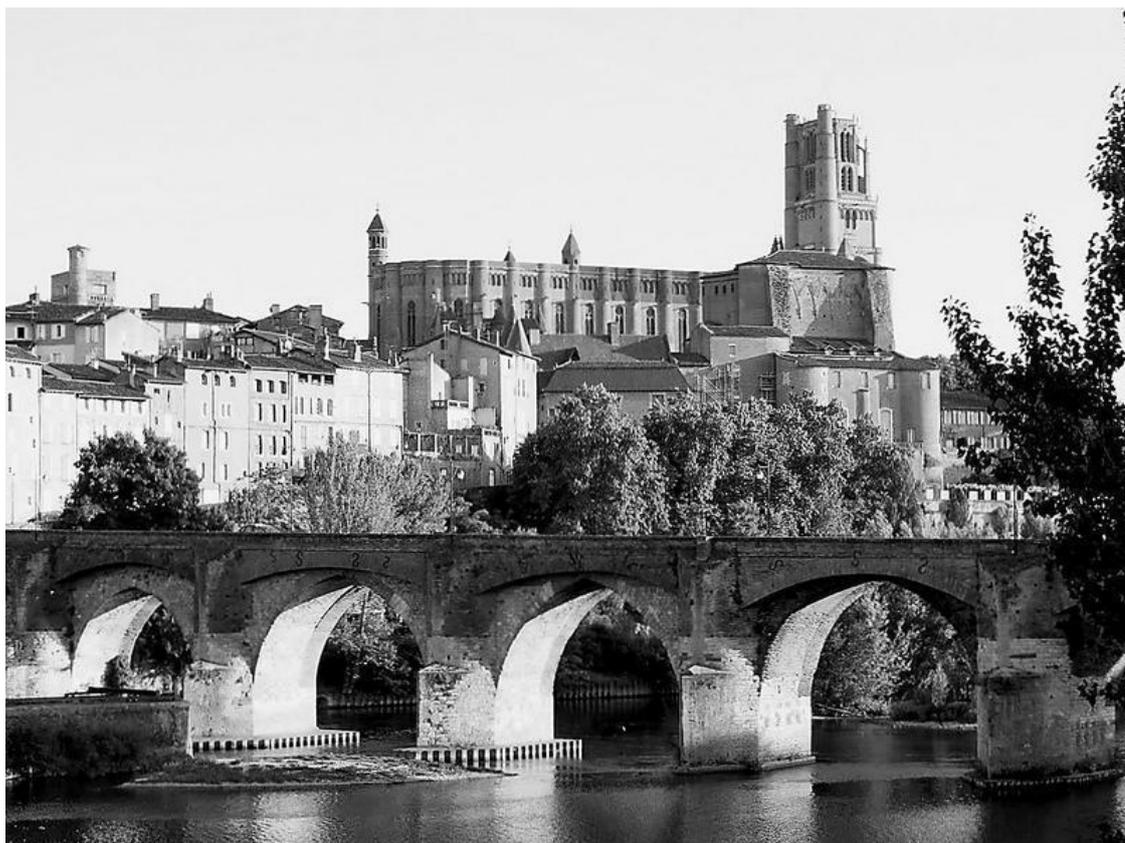
(Перевод Б. Пастернака)

Над Альби бушевала гроза. В небе, сотрясая воздух, гремели раскаты грома, а в старинном замке, возвышавшемся у древней башни городской стены, графиня Адель де Тулуз-Лотрек-Монфа мучилась в родовых схватках.

В ту ночь 24 ноября 1864 года над Альби разразилась сильная осенняя гроза. Дождь лил как из ведра. Над крышами домов скользили змейки молний, озаряя мертвенным светом красный кирпичный город, высокую ограду собора-крепости, возвышавшегося неподалеку от замка, и внизу, в ущелье, бурные воды Тарна.

Молодая женщина, измученная долгими и трудными родами, вздрагивала и стонала при каждом ударе грома. Год назад, в мае, она вышла замуж за своего двоюродного брата, графа Альфонса, тогда офицера. Его мундир потряс воображение юной Адели, которой едва минул двадцать один год. И вот теперь она ждала ребенка, сына, как она надеялась, который будет с честью носить имя, овеянное славой его предков.

Да и все вокруг мечтали о мальчике: мать графини Адели и ее свекровь – они были сестрами и обе впервые должны были стать бабушками, свекор, Черный Принц, суровый властелин, обосновавшийся в своем родовом замке Боск, где он был истинным автократом, и, конечно, муж графини Адели, граф Альфонс, который всегда жил несбыточными мечтами и теперь уже заранее представлял себе то время – и чем раньше оно настанет, тем лучше! – когда сын будет сопровождать его на соколиную охоту и в прогулках верхом по графским угольям.

Старинный город Альби во Франции.

Все было приготовлено для наследника: колыбель, пеленки – муслин и кружева, кольца из слоновой кости, золота и серебра – они понадобятся ему, когда у него начнут резаться зубки, роскошное, достойное принца платье для крестин, с разбросанными по нему вышитыми лилиями, похожий на корону парчовый чепчик, который ему наденут, когда в его честь звонят колокола собора Сент Сесиль.

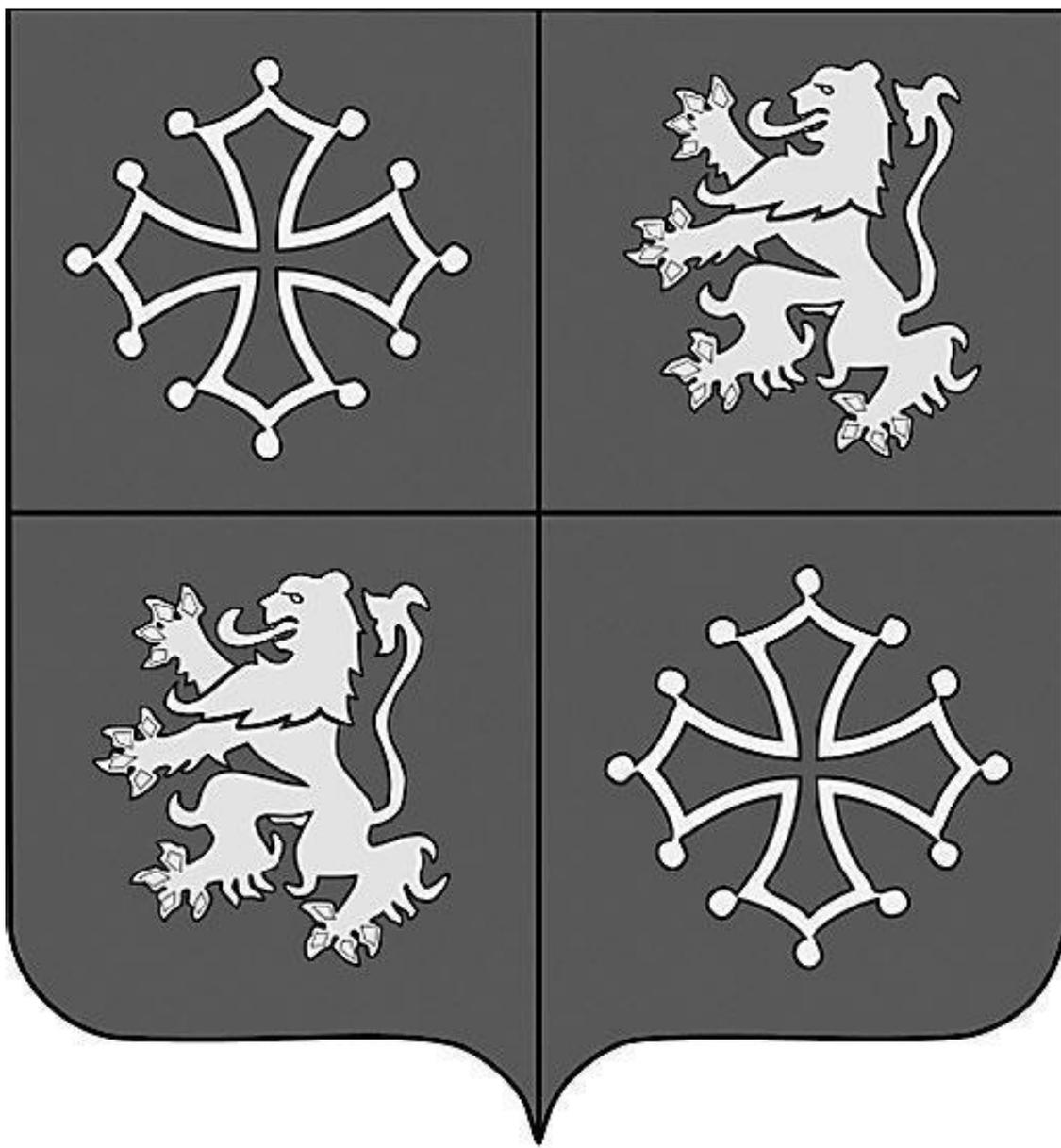
Все было продумано заранее. Даже имя. Решили, что новорожденного назовут Мари-Раймон, но основное его имя будет Анри. Так звали графа де Шанбора, последнего из Бурбонов по старшей линии, который, по убеждению рьяного легитимиста графа Альфонса, был единственным законным претендентом на престол Франции, постыдно захваченный теперь племянником узурпатора.

Гроза и ливень не утихали. Небо над Альби полыхало и неистовствовало. Графиня Адель до конца дней своих не забудет той ужасной ночи. Уж не является ли эта разбушевавшаяся стихия дурным предзнаменованием? Измученная, обуреваемая тоскливыми предчувствиями, графиня ждала своего первенца. Только бы родился сын!

«Diex lo volt» – такова воля Божья – гласит девиз родового герба Тулуз-Лотреков, на четверочастном щите которого, увенчанном короной суверенного графа, помещался в первой и четвертой червлених частях укороченный ажурный круглый золотой крест – герб графов де Тулуз, а во второй и третьей червлених частях – золотой лев, стоящий на задних лапах, клыки и язык которого были из финифти, – герб виконтов Лотрек.

Портрет графини Адели де Тулуз-Лотрек.

Герб французского графского рода Тулуз-Лотреков.

Так пусть же Бог даст сына, который станет истинным Тулуз-Лотреком: он будет жить, отрешенный от этого недостойного века, он посвятит себя благородным наукам, будет великолепным наездником, первоклассным охотником, обладателем лучших соколов и гончих собак, он с честью будет носить свое славное имя, он никогда не посрамит свой древний род... Сын! Только сын! «Поверьте мне, – говорил граф Альфонс, – лучше быть еретиком мужского рода, чем христианином женского».

Боже, дай нам сына!

И вот под раскаты грома и вспышки молний графиня родила мальчика.

Diex lo volt!

Такова воля Божья!

Анри рос очаровательным малышом, с ясным взглядом, пухлыми щечками. Особенно хорош он был в модной шотландской юбочке с болеро – англomania распространилась в те времена и на одежду.

У Тулуз-Лотреков – а они со всеми своими родственниками составляли многочисленную семью – Анри был первым ребенком нового поколения. Еще и поэтому его особенно лелеяли. С гордостью и нежностью мальчика называли «Bebe lou roulit», что на южном патуа означает «красивый малыш». А одна из бабушек в умилении окрестила его Маленьким Сокровищем.

Маленькое Сокровище входил в жизнь окруженный любовью. И так было повсюду, где бы он ни появился. Родители его не засиживались на одном месте, и он жил то в Альби, в замке с обитыми старинным штофом комнатами, где он впервые увидел свет, то в обширном поместье Селейран, в Лангедоке, то, чаще всего, в замке Боск, где властвовал Черный Принц. Над долиной Виора красиво возвышались круглые башни, черепичные крыши и обвитые плющом высокие стены этой сеньориальной обители.

В Боске жизнь кипела ключом. Замок просыпался на заре. Во дворе лаяли собаки, лошади били копытами землю, а Черный Принц, подтянутый, стройный, верхом на своем скакуне, уже был готов дать сигнал к охоте. Это был человек лет пятидесяти, в полном расцвете сил, молчаливый, надменный и резкий, с продолговатым лицом, жесткой черной бородкой, пышными усами и густыми взъерошенными бровями, нависшими над пронизательными глазами. Он держал в ежовых рукавицах всех – и сыновей, Альфонса, Шарля и Одона, и конюхов, и псарей, и доезжачего Пьера Грёза.

Наскоро попрощавшись с дамами, охотники пускались в путь.

С раннего детства Маленькому Сокровищу была хорошо знакома охотничья терминология: «ату», «пазанки», «травить», «стеречь лаз», «идти в пяту». Он уже разбирался в собаках, соколах, у которых были злые глаза и острые клювы. Соколов для графа Альфонса обучали сокольничии Мартены из Рабастена.

Маленькое Сокровище был непоседлив, он так и норовил удрать из-под надзора, залезть в теплую конюшню и наслаждаться там резким запахом сена, подстилок, лошадиного пота. Иногда мальчик убегал на псарню, огромную, как хорошая овчарня, и присаживался на корточки рядом с породистыми гончими.

Он постепенно раздвигал границы своего мира. «У нас в роду крестят – и сразу в седло», – говорил граф Альфонс. Маленькое Сокровище подавал надежды: однажды его застали, когда он пил лошадиное пойло, заедая черным хлебом, который пекли специально для собак.

День в Боске пролетал незаметно. Вечерами все собирались в гостиной, и Маленькому Сокровищу, перед тем как увести его спать, разрешали побыть немного в обществе взрослых. После хлопотливого, утомительного дня наступало время отдыха и покоя. Женщины, сидя в глубоких креслах и накинув на плечи шелковые шали, вязали крючком, капеллан замка, аббат Пейр, покуривал трубку, мужчины беседовали об охоте, набивали патроны, читали, рисовали, лепили фигурки из воска.

Тяга к искусству передавалась у Тулуз-Лотреков из поколения в поколение. В Боске хранились портреты, выполненные в начале века отцом Черного Принца, – офорты, пастель, свинцовый карандаш. Граф Альфонс любил лепить лошадей и собак. Ему не составляло труда сделать набросок карандашом или пером. С такой же легкостью и охотой рисовали его младшие братья – Одон и в особенности Шарль, который проявлял большую склонность к искусству. «Когда мои мальчишки подстреливают вальдшнепа, – говаривала бабушка Габриэль, – они получают тройное удовольствие: от удачной охоты, от натюрморта и от жаркого».

Франс Снейдерс. Оленья охота.

Стоя рядом с кем-нибудь из своих дядей, Маленькое Сокровище застывал, не отрывая глаз от руки, которая разбрасывала по бумаге линии и штрихи, а потом ловко соединяла их, и тогда неожиданно возникали ловчие, доезжачие, убегающие животные, затравленный олень, кабан с навалившимися на него псами... Мальчик ложился в гостиной у камина, где пылали толстые поленья, отыскивал остывший уголек и принимался старательно выводить на огромном ковре разные кружочки и квадратики.

Маленькому Сокровищу было около трех лет, когда 28 августа 1867 года у него родился брат, которого нарекли Ришаром. «Я одобряю это имя, – сказала бабушка, – один из наших предков, тоже Ришар, был женат на сестре английского короля Ричарда». В тот день, когда в соборе Альби происходило крещение младенца, Маленькое Сокровище находился на попечении жены каноника, которая, кстати сказать, сочла неприличным, что мальчик одет в короткие штанишки и носочки. После крестин Маленькое Сокровище со своей опекуной принял участие в процессии, которая направилась в приходскую церковь, чтобы оставить запись в метрической книге. «Я тоже хочу расписаться», – заявил Маленькое Сокровище. «Но ты же не умеешь писать», – возразила ему жена каноника. «Ну и пусть, я нарисую быка», – ответил мальчик.

* * *

В семье графа Альфонса далеко не все обстояло благополучно. Маленькое Сокровище мог заметить, что иногда мать с особой нежностью вдруг прижимала его к груди, глаза ее в этот момент затуманивали слезы. Мягко говоря, графиня Адель была не совсем счастлива.

Эта застенчивая, скромная молодая женщина со светлыми волосами была чуткой, мягкой, необычайно тонкой и впечатлительной. Качества, которые можно было бы приписать буржуазному воспитанию, она унаследовала от своих предков Тапье де Селейранов. Родом из Азиль-ан-Минервуа, деревушки в сорока километрах от Каркассона, Тапье стали де Селейранами лишь в самом конце XVIII века. Тапье во время монархии занимали крупные посты в администрации Нарбонны – были судьями в коммерческих судах, генеральными казначеями, канониками. Люди деловые и предусмотрительные, они умели постоять за себя. Они значительно расширили свои виноградники, приобрели дома в городах. В 1798 году

Эспри-Жан-Жак-Туссен Тапье, прадед Маленького Сокровища, усыновленный в свое время каким-то дальним родственником, Жаком Менго, владельцем Селейрана, советником Высочайшей счетной палаты города Монпелье, унаследовал титул приемного отца, все его имущество, и в частности поместье Селейран с красивым домом и полутора тысячами гектаров земли, большей частью засаженной виноградными лозами. Когда-то это поместье принадлежало рыцарям Мальтийского ордена, которые вершили здесь суд, разрешая не очень важные, важные и важнейшие дела, а также выносили смертные приговоры.

Графиня Адель любила спокойную уединенную жизнь, чтение и благочестивые размышления. Выходя замуж за своего кузена, она не представляла себе, какая судьба ждет ее. Пылкий темперамент Тулуз-Лотреков так отличался от тихого нрава Тапье де Селейранов!

Тулуз-Лотреки были людьми неукротимого порыва, в них бушевала кровь их предков – графов Тулузских и виконтов де Лотреков, чьи имена вошли в историю Франции. Необузданные, своенравные, беспредельно отважные, они во все века славились безумными похождениями, неукротимостью страстей. Они были неистовы. Никакие превратности судьбы не могли их сломить. Обуреваемые жаждой деятельности, они принимали участие, оставив о себе как добрую, так и дурную славу, в крестовых походах в обетованную землю, в религиозных войнах и сражениях в чужих землях. Так, например, граф Тулузский, Раймон IV, в 1099 году одним из первых вошел в осажденный Иерусалим, а его потомки, альбигойцы, вынужденные вести кровопролитные битвы, десять раз отлучались папами от церкви. Впрочем, они были не из тех людей, на кого это могло произвести впечатление. Презирая опасность, они в порыве гнева вздернули на дерево папского легата, у которого хватило наглости привезти им грамоту его святейшества. Как-то на одном обеде граф Адольф в разговоре с архиепископом с грустью воскликнул: «Ах, ваше высокопреосвященство, прошли те времена, когда граф Тулузский мог дать папскому легату под зад коленом, а затем, если ему хотелось, повесить его!» А ведь подобные эксцессы происходили даже по отношению к родственникам. Так, в 1214 году Раймон VI приказал немедленно, при нем же, повесить своего брата Бодуэна, который вздумал переметнуться к Симону де Монфору¹.

Таковы были нравы предков отца Маленького Сокровища. Неугомонные, они, должно быть, все в какой-то мере походили на виконта Лотрекского, Одэ де Фуа, погибшего в 1527 году при осаде Неаполя. Брантом² писал о нем: «Лицо у него было вызывающее, оно потрясало... громадные шрамы, следы ран, полученных им в битве под Равенной, еще более усугубляли это впечатление...» Во время этой битвы его раненым оставили на поле боя, считая, что он мертв. Испанцы говорили о нем, что он «пренебрегал чужими советами, считая, что лучше ошибаться по собственной вине, чем следовать советам других».

---

¹ Линия Тулуз-Лотрек-Монфа берет начало от этого самого Бодуэна, который в 1196 г. женился на виконтессе Аликс де Лотрек, наследнице поместья Монфа.

² Брантом (1540–1614) – французский писатель, автор «Жизни знаменитых французов». – *Прим. пер.*

Граф Альфонс де Тулуз-Лотрек правит упряжкой из четырех лошадей.

Тулуз-Лотреки привыкли вести себя как самодержцы – не даром они тесно породнились с королевскими семьями Франции, Англии и Арагона, сочетавшись браком с братьями и сестрами, с сыновьями или дочерьми монархов. Для них не существовало никаких законов, кроме собственных. Их энергия была неисчерпаема. Летопись повествует не только о бранных подвигах Тулуз-Лотреков, она сохранила для потомства и рассказы о распутстве некоторых из них. Тулуз-Лотреки были людьми с горячим южным темпераментом. Летопись рассказывает о дебошах в 1790 году некоего Пьера-Жозефа де Тулуз-Лотрека, графа де Фуа, о распутной жизни Аделаиды Тулузской, которую устраивал «любой мужчина, будь то батрак, сеньор, буржуа или крестьянин». Пьер-Жозеф де Тулуз-Лотрек сказал как-то, обращаясь к герцогине де ла Тремуай: «Гражданка герцогиня, не надо смешивать любовь с постелью». Уже по одной этой милой фразе можно было создать представление о человеке.

Альфонс де Тулуз-Лотрек, отец Маленького Сокровища, поносил революционеров 1789 года и республиканцев, франкмасонов, бонапартистов и сторонников Орлеанской династии.

Это был крепкого сложения, коренастый, могучий мужчина, которому некуда было девать свои силы. До женитьбы – а женился он, когда ему было двадцать пять лет, – он после окончания Сен-Сирского военного училища в чине младшего лейтенанта был зачислен в 6-й уланский полк в Мобеже и там принимал участие во всех конных соревнованиях – в бегах, скачках, «релли-пепере» и «стипль-чезе», где показал себя таким замечательным наездником, что у всех отбил охоту состязаться с ним. Он был гордостью полка. Отчаянный, неутомимый, он способен был загнать за день трех лошадей, а сам при этом не чувствовал особой усталости, и потом можно было видеть, как он, свежий и бодрый, танцует и веселится всю ночь напролет.

Граф Альфонс знал свою кухню с раннего детства. Они нравились друг другу, понимали друг друга, но то, что им казалось любовью, было лишь «пламенем»³. С первых же дней супружеской жизни графиня Адель с разочарованием и не без тайного ужаса обнаружила, что ее муж совсем не такой, каким она представляла его себе. Ничто не сближало их, наоборот, все в нем отталкивало ее.

Шел 1868 год, а граф Альфонс по своей сущности был, скорее, человеком средневековья, современный же мир предоставлял ему возможность тратить свою энергию лишь на охоте да на бегах и скачках. У него не было цели в жизни, он полностью шел на поводу у своих инстинктов, своих прихотей. А что могло его остановить? Деньги? У Тулуз-Лотреков был большой сейф, который пополняли управляющие, и каждый брал из него столько, сколько ему было нужно. Общественное мнение? Граф Альфонс, как и все его предки, был Достаточно самонадеян, ему и в голову не приходило, что кто-то может осуждать его. Он не боялся выглядеть нелепо, в нем не было никаких сдерживающих начал. Он жил на своей особой планете, делая все, что ему нравилось, и его бурный, необузданный темперамент толкал его на самые невероятные поступки, на всякие дикие причуды. Он был сумасбродом. Во всяком случае, такого мнения придерживались те, кто знал его близко.

В летние дни он мог разгуливать по улицам Альби в рубашке навыпуск, с соколом на руке. Иногда он останавливался и кормил его кусками сырого мяса. Считая, видимо, что его соколы не должны быть безбожниками, он поил их святой водой.

Его костюмы у человека непосвященного вызывали удивление. Он любил одеваться необычно. Ему доставляло удовольствие рядиться то ковбоем, то черкесом, то шотландцем, то напялить на себя кольчугу крестоносца. Любил он и смешивать атрибуты различных костюмов и однажды вышел к семейному обеду в пледе и балетной пачке. Комнаты его были заполнены охотничьими трофеями, старыми руководствами по соколиной охоте, древними календарями, изъеденными червями пергаментами, оружием и кавалерийским снаряжением самого разного происхождения. Рядом с кинжалами самураев здесь можно было увидеть киргизские седла и вигвамы краснокожих. Особо интересовало его все, что имело отношение к Ближнему и Среднему Востоку. Он был совершенно пленен персами. Чего только он не заимствовал у народов Азии – и кулинарные рецепты, и различные системы сбруи, и лечебные средства! «Я очень доволен своим новым кавказским башлыком, он напоминает башни Боска, – сообщил Альфонс матери и не поленился приложить набросок этого башлыка. – Я его надеваю на прогулки по лесу, и концы его из красного сукна красиво развеваются, когда я несусь вскачь». Это он писал о своих прогулках по Булонскому лесу в Париже. Его беспокойная душа заставляла его переезжать с места на место. Он колесил по всей Франции, иногда «забывая» где-нибудь на вокзале жену без денег, и ей приходилось прибегать к помощи железнодорожной администрации.

Граф Альфонс вообще отличался крайней рассеянностью: через несколько дней после свадьбы он уехал в Париж к своим друзьям по полку и приятелям по кутежам, совершенно «забыв» о том, что он только что женился.

Он все время путешествовал, перебираясь из одного охотничьего уголья в другое, охотился на юге страны, в Боске, в своем поместье Монфа, под Кастром (там он собирался выпустить на волю двух львов). Охотился в Солони, охотился в районе Орлеанских лесов, в Лури, около Невиль-о-Буа, где он жил в разборном домике, который возил за собой куда ему вздумается, в зависимости от своих охотничьих планов.

Именно в Лури и произошел в августе 1868 года (Маленькому Сокровищу было три с половиной года) окончательный разрыв между графом Альфонсом и его женой. Графиня Адель и так с трудом мирилась с причудами мужа, которые заставляли страдать ее гордость.

---

³ Выражение графа Альфонса, взятое из его письма к Рене Пренсто от 18 сентября 1901 г.

Но были и еще более серьезные причины для разрыва. Она мечтала о любви, о тихом счастье и не могла примириться с многочисленными изменами графа Альфонса, на которые его толкала пылкая кровь. Как и легендарная представительница его рода Аделаида Тулузская, он был неразборчив: крестьянки, девушки из кабаре, проститутки. Терпение графини Аделаиды иссякло.

Как раз незадолго до этого – 27 августа – там же, в Лури, умер ее второй сын, Ришар, одного дня не дожив до года. Подавленная горем, оскорбленная и униженная изменами мужа, графиня вместе с Маленьким Сокровищем выехала из Лури в Боск с твердым намерением с этих пор относиться к графу Альфонсу только как к кузену.

Ее личная жизнь кончена. Отныне единственное ее утешение – Маленькое Сокровище, ее чаяния, ее заботы будут связаны только с ним. После полного крушения у нее остался только этот малыш.

* * *

Под руководством матери, аббата Пейра и дальней родственницы, старой девы Армандины д'Алишу де Сенегра, Маленькое Сокровище начал постигать науки.

У мальчика был живой ум, и занятия его шли успешно. Но как он был шаловлив! Резвый, озорной, любознательный, он секунду не сидел на месте. «Настоящий мячик», – говорила о нем мать. Капризный, он почти всегда добивался своего, требовал, чтобы ему уступали. Слов нет, он любил своих близких, был с ними нежен и ласков, но стоило кому-нибудь не пойти у него на поводу, как он немедленно закатывал истерику. Так, однажды, будучи в соборе Сент Сесиль, он принялся кричать: «Я хочу писать!.. Да, я хочу писать здесь», – и тут же, несмотря на увещевания испуганной бонны, дорогой Аделины, Маленькое Сокровище полил церковные плиты.

Везде, будь то конюшня, людская, псарня или гостиная, этот маленький тиран, для которого не существовало ничего недозволенного, пользуясь тем, что его баловали, делал все, что ему вздумается. Полный задора, он любил посмеяться над кем-нибудь, подшутить. Он живо улавливал комическое и нелепое. От него доставалось всем: поварам, когда он с важным видом пробовал соусы и, гримасничая, давал им оценку, конюхам, с которыми он разговаривал на ломаном английском языке, добряку канонику, которого он пародировал... Мать закрывала на все глаза и только нежно журила сына. Его веселый характер и живость восхищали ее.

Графиня Адель огорчилась бы, если бы ее малыш был иным. Она гордилась им. Не зная устали, она знакомила его с историей их рода, рассказывала ему о знаменитых предках (Маленькое Сокровище был также внучатым племянником генерала Лафайета), о том, что в жилах Тулуз-Лотреков течет королевская кровь благодаря брачным союзам с принцами. «Так, значит, – восклицал мальчик, – короли – кузены мне!»

Да, графиня Адель была бы огорчена, если бы ее сын был иным, но иногда у нее зарождалась какая-то смутная, безотчетная тревога, которая вселяла грусть и страх в ее материнское сердце. Хотя Маленькое Сокровище нельзя было назвать хилым, он все же не отличался крепким здоровьем. У него до сих пор еще не окостенел родничок. К тому же он шепелявил.

«С годами пройдет, – думала мать, стараясь утешить себя. – Не может быть, чтобы Маленькое Сокровище пошел не в свою породу, не в своего могучего деда, Черного Принца, не в отца, который в разгар зимы шлепал по болотам, ночи напролет выслеживал дичь и чьи редкие письма (когда он находился вдали от своих, что бывало чаще всего, он изредка

присылал весточку) содержали только охотничьи рассказы и заканчивались одной и той же фразой: „Я до смерти хочу спать, но чувствую себя хорошо“⁴.

Граф Альфонс совершенно не заботился о своем сыне. Поскольку мальчик еще не достиг того возраста, когда можно гарцевать на чистокровном жеребце, он не представлял для него никакого интереса. Воспитание малышей он считал делом женским. Математика, латынь – все это чепуха, серьезные науки начинаются потом. Одному другу, который обучал своего сына верховой езде, граф Альфонс любезно посоветовал: «Научите его еще пользоваться лассо, это пригодится ему в дальнейшем, чтобы заарканить женщин, а с латынью...» И все же граф Альфонс кое-чему научил сына: «он показал ему, как с помощью двух пальцев можно превратить портрет меланхоличного Наполеона III, выгравированный на бронзовой монете в десять сантимов, в свиную морду»⁵.

Впрочем, 1870 год должен был радовать графа Альфонса – Вторая империя находилась под серьезной угрозой. 19 июля Наполеон III объявил войну Пруссии. Уже в начале сентября французские войска капитулировали под Седаном, а 17-го прусская армия подошла к Парижу. Эти события застали графа Альфонса в Лури. В то время как он, сидя в своем поместье, пытался смириться с тем, что его охотничьи уголья заняты оккупантами, братья его отправились на Луару сражаться. Одон поехал на своей красавице кобыле Баволетте.

28 января 1871 года Париж сдался прусским войскам. 18 марта вспыхнуло восстание, закончившееся победой Коммуны, которую граф Альфонс осыпал бранью. Коммуна ему казалась самой отвратительной из всех четырех революций, произошедших во Франции за какие-нибудь восемьдесят лет. Когда же наконец на престол взойдет граф де Шанбор?

Для Тулуз-Лотреков эти военные годы оказались трагичными. 23 декабря 1871 года дед Маленького Сокровища, Черный Принц, со сворой собак и ловчим отправился, как обычно, на охоту. Было очень холодно. Все замерзло. Черный Принц, выследив зайца, долго гонялся за ним. Видя, что охота затягивается, он в полдень приказал своему ловчему вернуться в Боск. Он будет охотиться один. Пусть его не ждут.

Прошло несколько часов. Короткий декабрьский день кончился. Женщин, оставшихся дома, начало одолевать беспокойство. Когда же наступила ночная тьма, они совсем потеряли покой.

Послышался собачий лай. Вот он! Но собаки были одни, без хозяина. Теперь уже не могло быть никаких сомнений: с Черным Принцем случилось какое-то несчастье.

Всю ночь искали его в окрестностях замка. Маленькое Сокровище упорно пытался уговорить мать спуститься в ущелье Виора, но его никто не слушал. А ведь именно там и нашли на рассвете изодранное, очоженевшее тело свирепого охотника.

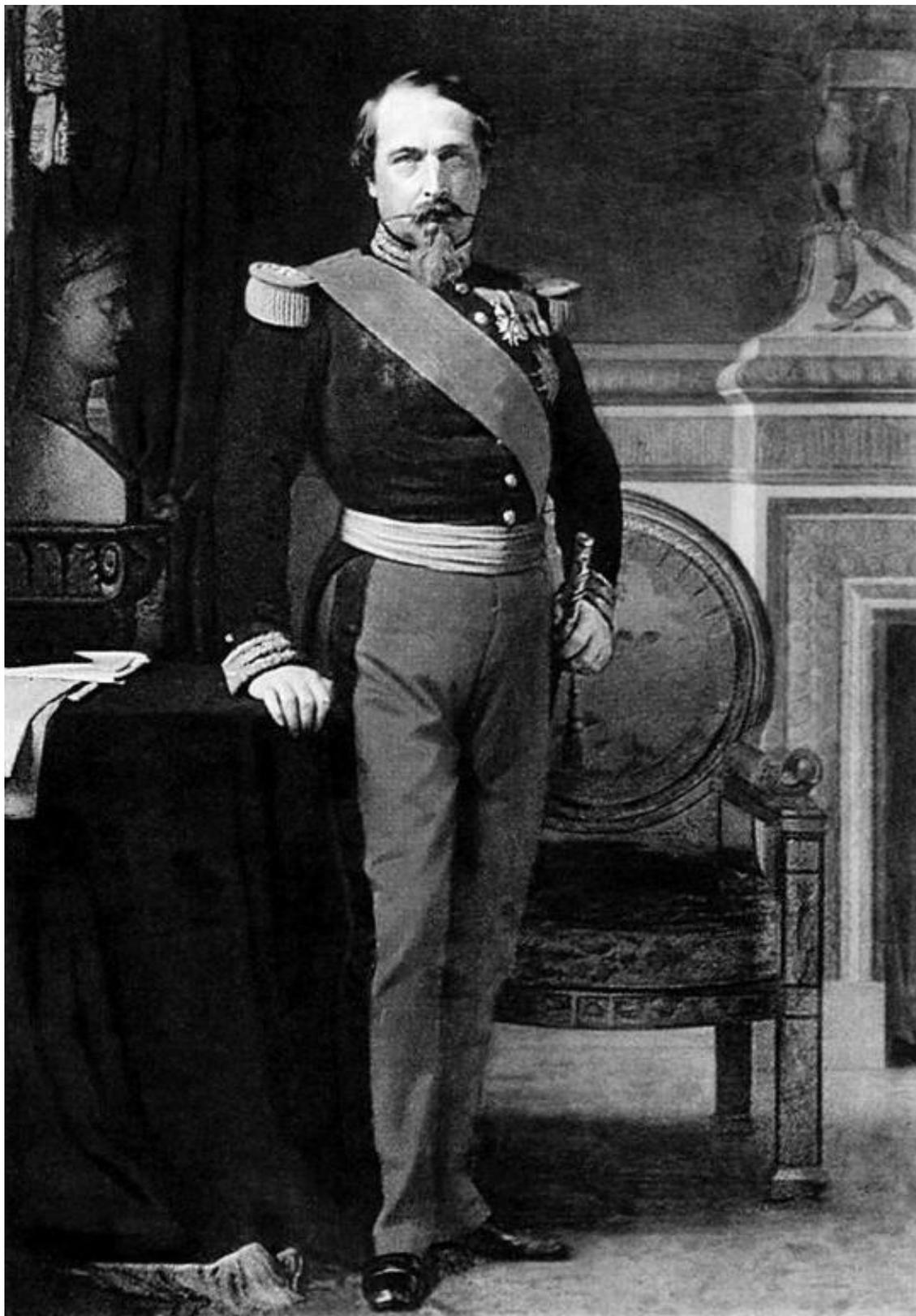
Черный Принц умер той же смертью, что и его отец, который тридцати семи лет погиб во время псовой охоты.

---

⁴ Мэри Тапье де Селейран приводит одно из писем графа Альфонса: «Лури. 29 декабря 1869 г. Дорогая! Мы были заняты разделом собак, поэтому я не писал. У Одона теперь десять собак, которых он натаскивает исключительно на косуль, а мне отдал навсегда восемнадцать для охоты на кабана. Мне пришлось подыскать нового коня, и я наконец нашел великолепную кобылку. Вчера я смог вывести собак. Охота была изумительно подготовлена. Я напал на след семьи. Собаки через два часа атаковали бурого кабана. Очаровательная охота. На следующий день моя кобылка стала припадать на передние ноги. Придется дать ей отдохнуть дней десять. Одон отправился со своими собаками на охоту за косулями, но упал с Пароли, который тоже повредил себе ногу. Несколько дней спустя – пустые кустарники. Охота была плохо подготовлена. Но все же недавно я выследил молодого кабанчика, который отбил от семьи, и через час собаки надели на него. Наш Лури превращается в центр охоты. У моих собак голоса не хуже, чем у французских. Завтра я буду охотиться вместе с принцем де Монтолоном, который привезет своего Вотре. И т. д.» Исписав шесть страниц в том же духе, граф Альфонс внезапно заканчивает лаконичной фразой, приведенной выше. Как правильно замечает Мэри Тапье де Селейран, невольно вспоминая фразу из «Рюи Блаза»: «Мадам, дует сильный ветер, и я убил шесть волков».

⁵ Таде Натансон.

По-видимому, Черного Принца сбросила лошадь, и он, падая с высокого обрыва над Виором, разбился о скалы. Можно было предположить, что он перед смертью звал на помощь, дул в свой охотничий рог – залитый кровью, он лежал рядом с Черным Принцем.

Ипполит Фландрен. Наполеон III.

Мрачное это было Рождество! Праздничный звон колоколов смешивался с заупокойным пением. Да, в этом мире бывают не только радости!

* * *

«Мсье аббата его навозный ученик просит сказать, как правильно пишется: „gvem oeafrrow“ или же „gvwdi aeauxov“⁶.

С глубоким уважением Анри де Тулуз-Лотрек».

«Навозному» ученику было тогда около восьми лет. Он был умным и развитым ребенком, и его уже начали учить латинскому и греческому языкам.

Где бы маленький Анри ни находился – в Боске, в Альби или в Селейране, – всюду он наслаждался жизнью. У него появлялись маленькие кузины и кузены, он полностью подчинял их себе, верховодил во всех играх, которые сам придумывал. Его фантазия была неисчерпаема.

Но здоровье мальчика отнюдь не соответствовало его необыкновенно живому темпераменту. Несмотря на то что он постоянно жил на свежем воздухе и пища его была обильной и разнообразной (у него, по выражению Мэри Тапье де Селейран, был «легендарный аппетит Лотреков»), он выглядел хилым, болезненным. Графиня Адель с огорчением и тревогой смотрела на его узкие плечи, впалую грудь, тонкие ножки. Уже давно настало время определить его в лицей, чтобы он мог заниматься систематически. Наступила осень 1872 года. Может быть, лицей отложить еще на год?

Как раз в этот период граф Альфонс пожелал обосноваться в Париже. Из Парижа ему удобнее будет выезжать на охоту в Орлеанские леса и в Солонь, так он сможет бывать на всех конных соревнованиях. Это и решило судьбу Маленького Сокровища. Однажды утром, в начале осени, они с матерью покинули замок Боск.

В Париже граф Альфонс поселился в бельэтаже аристократического парижского семейного пансиона «Перей», сите Ретиро, 5. Это был один из многочисленных романтических уголков города, овеянных очарованием старины. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через дом номер 30 по улице Фобур-Сент-Оноре, и в нескольких шагах от него, слева, и находился пансион «Перей»; дальше возвышалось несколько довольно красивых зданий XVIII века, затем улочка делала колесо и упиралась в дом номер 35 по улице Буасси-д'Англа. Этот причудливый тупичок возник еще в старину, когда здесь был королевский каретный ряд.

Отныне Маленькому Сокровищу предстояло жить с родителями в пансионе «Перей». Супруги поддерживали только внешние отношения – «они были учтивы друг с другом и холодны»⁷. Но у них был сын, этого нельзя забывать. И супруги пожимали друг другу руки, на которых блестели обручальные кольца⁸.

Тулуз-Лотреки отдали сына в восьмой, подготовительный класс лицея Фонтан⁹, на улице Гавр. Там же учился один из кузенов Анри со стороны матери – Луи Паскаль.

Мальчик с грустью расставался со всем, что до сих пор составляло его жизнь. В момент отъезда из замка он чуть было не расплакался, но сумел взять себя в руки: аристократу – пусть даже он ребенок! – не пристало выставлять напоказ свое горе. Он лишь прижался

---

⁶ Познай самого себя (*древнегреч.*).

⁷ Мэри Тапье де Селейран.

⁸ Там же.

⁹ Теперь лицей Кондорсе.

к матери и, садясь в экипаж, сдавленным голосом спросил: «Мама, а мы когда-нибудь вернемся сюда?» Маленькое Сокровище – увы! – так и не отучился шепелявить.

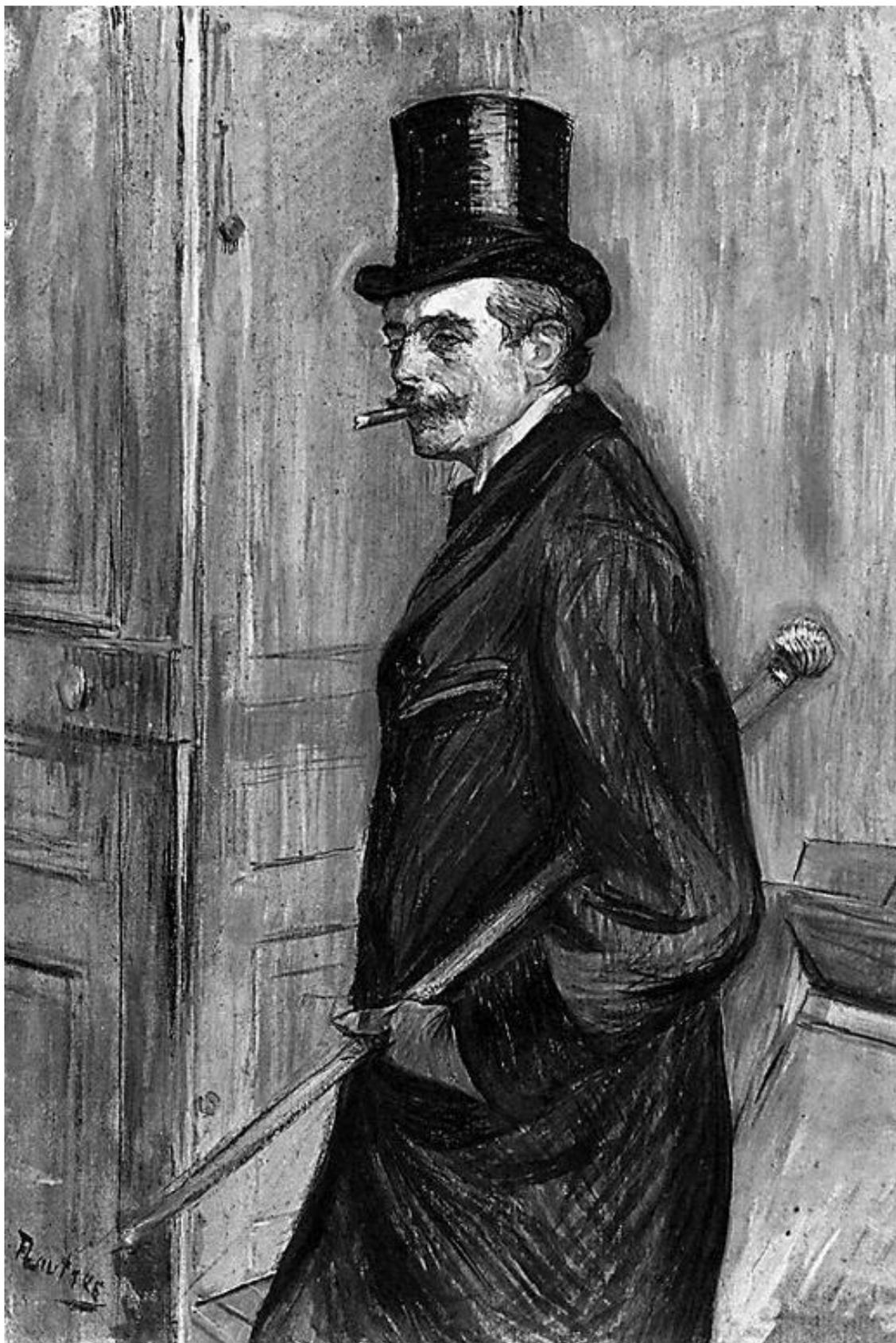
Но детские горести недолговечны. Мальчик быстро привык к новой жизни. Он всегда живо интересовался всем, что происходит вокруг него, и в лицее сразу же обзавелся приятелями, близко сошелся со своим кузеном Луи Паскалем (правда, свобода Луи Паскаля была стеснена распорядком интерната, где он пребывал, так как его отец работал в администрации префектуры и жил в провинции), а также с сыном богатых буржуа Морисом Жуаяном, мальчиком одного с ним возраста, с которым они стали неразлучными друзьями. Лотрек и Жуаян соперничали за первые места в классе. Лотрек, например, шел первым по французской грамматике, но зато по латинской грамматике впереди был Жуаян.

Морис Жуаян в бухте Соммы.

Классный наставник восьмого подготовительного, мсье Мантуа, имел бы все основания быть довольным Лотреком, если бы мальчик своими проказами не подавал дурной пример товарищам. «Но разве можно строго наказывать его, ведь он так хорошо учится!» – восклицала графиня Адель, склонная снисходительно относиться к сыну, тем более что его

здоровье тревожило ее все сильнее. «Он растет так медленно, что в лице его уже прозвали „Мальшом“».

Портрет Луи Паскаля.

Может быть, его здоровье укрепит верховая езда? Графиня Адель готова была испробовать все. И вот каждое утро Маленькое Сокровище отправляется с отцом в манеж «Дюфо», где он берет уроки. Лошади мальчику нравились. Сам невероятно подвижный, он любил все, что движется, и в его взгляде можно было прочесть ненасытную жажду зрелищ. Инстинктивно, как и его отца и всех его родичей, мальчика привлекали ловчие птицы, чистокровные лошади, словом, все животные, которых природа одарила благородством. Его восхищала игра мускулов лошадей, их точные, скупые движения во время скачек и бегов.

Верховая езда, бега, скачки, выезды на лошадях – тогда все это было в моде. С утра в Булонском лесу, по аллее Пото, гарцевали наездники и амазонки. После обеда на аллею Акаций, демонстрируя свои туалеты, или, как говорили в народе, «выставляя себя напоказ», выезжал весь высший свет и полусвет Парижа. По аллее тянулась бесконечная вереница роскошных экипажей: фаэтонов, кебов, ландо, викторий, плетеных тильбюри, восьмирессорных экипажей, двухместных и четырехместных карет, управляемых а-ля Домон кучерами в пудренных париках. Потом все фешенебельное общество снова встречалось на бегах в Шантийи или в Лоншане. (В Отейе ипподром тогда еще только строился.) Дерби, Конкур-ипшик, Гран-при – все эти скачки и бега были крупными событиями, на которых надлежало присутствовать.

Граф Альфонс, при необходимости, одевался как истый денди, носил цилиндр, заказанный в Лондоне, – свидетельство принадлежности к высшему обществу, – но в глубине души был чужд пустому, а главное, искусственному существованию людей его круга. Ярый поклонник «спорта» (это слово тогда было внове во Франции и относилось в основном к конному спорту), влюбленный в природу, в густые леса и в охоту, он принимал участие во всех этих светских развлечениях лишь постольку, поскольку они отвечали его склонностям. Да и общался он с людьми своего круга и ходил в клубы главным образом ради того, чтобы встретиться с товарищами по охоте, по скачкам, сесть на незнакомую лошадь, оценить ястреба или филина – вот это доставляло ему истинное удовольствие. В бельэтаже «Перей» он оборудовал небольшую мастерскую, где изредка занимался скульптурой. И там же поставил ульи, чтобы наблюдать за жизнью пчел.

Граф Альфонс часто брал сына с собой на бега и в Булонский лес. Он хотел воспитать его спортсменом. Он приучал мальчика оценивать коня с точностью и тщательностью натуралиста, подробно анализируя совокупность тех качеств, которые сделали его рысаком. Мальчик любил смотреть на лошадей, а отец учил его видеть их.

Маленькое Сокровище восхищался отцом. Его не удивляли причуды графа – он к ним привык. Отец мог, например, отправиться стирать свои рубашки в канаве на улице Руаяль, заявив, что парижские прачки никуда не годятся («Разве после того, как отсекли голову Людовику XVI, кто-нибудь во Франции умеет стирать белье?»¹⁰), мог поехать в Булонский лес на дойной кобыле, оседланной и взнузданной по-кавказски, остановившись у водопада, подоить ее и тут же выпить кумыс. Однажды он, довольно своеобразно «выставляя себя напоказ», поехал кататься по Булонскому лесу в норвежском экипаже, в который был впряжен мохнатый пони с Шетлендских островов, в другой раз – верхом, вырядившись в киргизский костюм. Маленькое Сокровище все эти чудачества не поражали. Разве отец вел себя более необычно, чем дед, который в поместье Селейран во время грозы трубил тревогу, созывая домочадцев? Вся семья должна была немедленно собраться в холле замка, занять свои места в креслах, которые были изолированы от земли стеклянными пластинками, и, читая молитвы, ждать, когда небу будет угодно успокоиться.

---

¹⁰ Франсис Журден.

Независимое поведение графа Альфонса, его полное безразличие к тому, что будут говорить о нем в свете, к тому, что «прилично» и что «неприлично», бесспорно, пленяли Маленькое Сокровище. Мальчик понимал отца, отец служил для него примером. Стать таким же ловким, сильным, стать таким же замечательным наездником – вот о чем мечтал Маленькое Сокровище. Однажды граф Альфонс поспорил на двести луи с одним из членов Жокей-клуба, что перепрыгнет на коне через экипаж, – и выиграл! Маленькое Сокровище был в восторге. Какая смелость, сколько отваги! Как бы он хотел, когда вырастет, быть похожим на отца!

Графа Альфонса бесконечно трогала страстная любовь сына к животным. В этом мальчике, у которого были те же привязанности, что и у него, он узнавал самого себя. А граф Альфонс любил животных, любил больше, чем хотел бы в этом признаться. Он любил не только лошадей, собак и ловчих птиц, но и ту дичь, которую вытравливал из ее логова. Ему претило, когда охоту превращали в бойню. Сколько раз он прерывал псовую охоту, если видел, что она ведется не по правилам и оставляет оленю, косуле или кабану слишком мало шансов на спасение. Да и стремился ли он убить зверя? Он всегда старался создать новые трудности, усложнял охоту, придумывал всевозможные препятствия...

Мсье де Монтестье любил рассказывать в клубах, как он однажды охотился вместе с графом Альфонсом. Граф пригласил его пострелять дичь в поместье Тулуз-Лотреков в Солони. Долго брели они по изнурительной жаре. Мсье де Монтестье буквально изнемогал. Наконец утомленные охотники добрались до цели – к пруду; над их головами взлетела стая уток и чирков. Увидев столько дичи, мсье де Монтестье, забыв усталость, торопливо зарядил ружье. Но граф, слегка смущенный, остановил его: «Прошу вас, дорогой друг, не стреляйте... Мне так приятно смотреть на этих птиц, а ваш выстрел спугнет их. Они могут не вернуться сюда больше».

Граф Альфонс брал с собой сына не только в те места, где можно было полюбоваться лошадьми, он часто водил его и в мастерскую своего друга, художника Рене Пренсто, который жил на улице Фобур-Сент-Оноре – это был квартал художников, – в доме номер 233.

За воротами, по обе стороны небольшого тупика, тянулись мастерские. Здесь царил атмосфера провинции. Едва наступали погожие дни, все двери распахивались и начиналась болтовня.

Пренсто был любопытным человеком. Сын комиссионера по вину из Либуерна, он, будучи глухонемым от рождения, сумел получить высшее образование. Сначала мать, а затем специалисты учили его говорить. И научили. Правда, голос у него был гортанный, сипловатый, и говорил он отрывисто, как-то неестественно, но все же объяснялся с людьми свободно, по губам понимая своих собеседников. Учился он многому, включая гимнастику и верховую езду. Он собирался стать скульптором; сначала он занимался в Бордо, потом переехал в Париж и поступил в Императорскую школу изящных искусств. И вот тут-то его и потянуло к живописи.

В то время, когда граф Альфонс ездил к нему со своим сыном, у тридцатилетнего Пренсто уже было имя. Он выставлял свои работы в клубе художников на улице Вольней, в Салоне, и его картины и скульптуры обращали на себя внимание. Некоторые из них были даже куплены государственной комиссией. Очень элегантный – он носил сюртук и цилиндр, Пренсто бывал в свете и даже ходил на балы – он «слышал музыку животом»¹¹, как сам утверждал. Ловкий наездник, любитель скачек и псовой охоты, он и в творчестве своем был главным образом анималистом – с большим знанием дела писал лошадей, собак, охотничьи сцены и различные эпизоды скачек с препятствиями.

---

¹¹ Рассказано Робером Мартреншаром.

Его можно было назвать светским художником. «Я пишу только лошадей, которые стоят двадцать тысяч франков», – сказал он как-то. Он работал на совесть. Он создавал настоящие портреты лошадей и собак, словно они были людьми, старался схватить и передать наиболее выразительно характерные именно для этой лошади или собаки движения.

У Пренсто было несколько учеников. В сите Ретиро пять или шесть богатых любителей искусства (и спорта тоже) провозгласили его своим учителем и под его руководством занимались живописью. Среди них был и граф Альфонс¹².

Вскоре, после того, как отец познакомил его с Пренсто, Маленькое Сокровище стал постоянно сам приходить в мастерскую на улице Фобур-Сент-Оноре. Часами он мог смотреть, как художник рисует или пишет.

Кстати, для Пренсто характерно было, что он почти никогда не изображал животных в состоянии покоя. Он был художником движения. И это восхищало мальчика. Еще ему нравились в художнике его насмешливый ум, умение подмечать комичные и слабые стороны человека. Не чувствовал ли он и в себе эти черты?

«Сосунок», как называл его Пренсто, все время рисовал. И это было не только естественным стремлением ребенка подражать взрослым, но и насущной потребностью: рисунок для него был еще одним способом – а может быть, даже и главным способом! – выражать свои мысли. Когда его что-то волновало, поражало, он сразу же брался за карандаш. Он с восторгом открывал безграничные возможности карандаша, для него это был второй язык, элементы которого он по мере надобности создавал сам. Мальчик наслаждался этой удивительной игрой, поражаясь тому, что могут сделать его пальцы.

Поля его классных и домашних тетрадей были испещрены рисунками. Кроме лошадей, наездников, собак и птиц, он рисовал своих одноклассников, проявляя при этом большую наблюдательность – несколькими штрихами, не всегда удачно, но всегда живо и своеобразно, передавал, зачастую шаржированно, внешний облик и характерные жесты своих товарищей¹³.

Здоровье Малыша, увы, не улучшалось. Он часто пропускал занятия. В 1873 году вместо осени он пошел в лицей только в декабре.

Но, несмотря на такие перерывы в занятиях, учился он отлично. Он быстро нагонял своих товарищей и, судя по списку наград, присужденных в июле 1874 года, по четырем предметам получил первую премию, а по нескольким другим – похвальные грамоты. В восьмом классе он был одним из лучших учеников¹⁴.

Этот год он закончил поистине блестяще. Графиня Адель имела полное право гордиться сыном. Но ее гораздо больше, чем отметки, волновало здоровье Малыша. Ему было уже около десяти лет, а он оставался все таким же тщедушным, со слабенькими ножками. Опасения матери подтверждались все больше и больше. Мысль о таких страшных болезнях, как туберкулез и коксит, о которых в те времена говорили с ужасом, не могла не мучить графиню Адель. Замужество и без того принесло ей мало радости, так неужели ей придется еще больше раскаиваться, упрекать себя за то, что они с Альфонсом, прежде чем пожениться, не подумали о возможных последствиях кровосмешения? Второй ее сын умер совсем крохой. А этот... Боже мой, что же делать? Как помочь мальчику окрепнуть? Маленькое Сокровище был бы такой радостью, если бы... если бы, если бы!..

---

¹² В музее города Либури сохранилось полотно Пренсто «Ирландская банкетка», на котором изображен граф Альфонс верхом на своем коне Пароли, берущий вместе с другими наездниками препятствие.

¹³ Самые ранние рисунки Тулуз-Лотрека, которые сохранились до наших дней, относятся к этому периоду (1873).

¹⁴ Тулуз-Лотрек получил две первые премии по латыни, по английской и французской грамматике и похвальные грамоты по истории, географии, арифметике и чтению.

В 1874 году мальчик опять пришел в лицей – уже в седьмой класс – позже своих товарищей, 23 ноября, да и то всего на несколько недель. 9 января он снова вынужден был прервать занятия, и на этот раз уже окончательно.

Мать, видимо, по совету врачей, увезла его в восточные Пиренеи, на курорт Амелле-Бен.

* * *

Кузины и кузены в Боске и Селейране подросли, и было решено, что отныне Маленькое Сокровище будет воспитываться вместе с ними. С тех пор он жил либо в поместьях, либо в Альби и лишь время от времени уезжал лечиться в Ниццу или на какой-нибудь другой курорт.

Отличие от матери, которая совсем потеряла покой, мальчик был совершенно беззаботен. С какой радостью он вернулся в родные леса, поля, виноградники! Он наслаждался жизнью. Ватага ребятишек, которыми он верховодил, с каждым годом пополнялась. Сестра графа Альфонса вышла замуж за брата графини Адели: у них родится четырнадцать детей, дважды двоюродных братьев и сестер Маленького Сокровища. Все эти мальчики и девочки вместе со своими родителями, воспитателями, учителями, нянями и прислугой составляли обширное семейство, каких в ту пору было немало во французской провинции (известная романистка, графиня де Сегюр, скончавшаяся в 1874 году, описала их в своих романах для юношества).

Маленькое Сокровище чувствовал себя в этом обществе великолепно, он блаженствовал. Он не был нелюдимым ребенком, даже наоборот, возможно, именно подсознательное ощущение собственной физической слабости толкало его к большим компаниям. Он устраивал для шумной и резвой ватаги своих кузенов и кузин все новые и новые развлечения, забавы, придумывал всякие проделки.

«Анри поет с утра до вечера, – писала его бабушка. – Это настоящий сверчок, он веселит весь дом. Каждый раз, когда он уезжает, в доме становится ужасно пусто, потому что он один заменяет двадцать человек». Маленькое Сокровище действительно был необычайно живым ребенком. Даже в церкви он не мог удержаться от шалостей и, подавая дурной пример своим кузенам, издевался над некоторыми лангедокскими песнопениями:

*Божьему сыну
Я дал
Колбасу
В кулечке.*

Он не мог усидеть на одном месте и без конца носился по всему поместью. То на пруду возился с бакланами или пускал флотилию кораблей, которые, по его словам, «хоть и опрокидываются, но никогда не тонут», то с увлечением занимался своим кукольным театром: дергал за ниточки бесчисленных марионеток и говорил на разные голоса, придумывал всякие смешные ситуации. Его можно было увидеть и на кухне у плиты – будучи истинным гурманом, он считал своим долгом попробовать все, что готовилось, не стеснялся давать советы поварам и даже ухитрялся сам стряпать несложные блюда. Не зря его прозвали «Анри-повар».

Правильно гласит поговорка: «Яблоко от яблони недалеко падает». В семье Тулуз-Лотреков все были чревоугодниками. Всевозможная дичь, птица, гусиная печенка, трюфели доставлялись на кухню, где повара готовили изысканные кушанья, готовили в огромном количестве и необыкновенно вкусно. Хозяева, любили полакомиться, мало того, они сами

придумывали новые блюда. Один из двоюродных дедов Маленького Сокровища однажды, к великому ужасу дам, подал к столу жирную обезьянку, лапки которой плавали в соусе. А уж граф Альфонс, у которого во всем были причуды, всегда готов был испробовать какой-нибудь восточный рецепт, трюфели в молоке, бифштекс с рокфором или омлет с абрикосами.

В парке Боска, как свидетельствует Мэри Тапье де Селейран, Маленькое Сокровище разбил «Булонский лес в миниатюре» и разъезжал по нему со своими кузенами в роскошных детских экипажах, которые они сами заказали в Англии, точно описав, что им надо. По этому поводу дети вели длинную переписку.

У Маленького Сокровища был властный характер, он привык верховодить и приходил в неистовство, когда кто-нибудь перечил ему. «Дорогой Рауль, – писал он одному из своих кузенов. – Оже заверил меня, что доставит мне brougham и dog-cart, а ты мне говоришь о ландо. Напиши ему напрямик, что, если он не пришлет мне коляски, которые мне нужны, я отказываюсь от них совсем, разве только ты достанешь мне легкую двухколесную, а если такой нет, то пусть будет четырехколесная, такая, чтобы можно было впрячь лошадь. Сбрую черную и желтую. И еще dog-cart. Итак, запомни как следует: на двух колесах, если это возможно. Передай крестной, чтобы она проследила за моим заказом. Пошли твои коляски как образец и напиши мне, что из себя представляют твои ландо».

Пока что это была всего-навсего детская игра. Но Маленькое Сокровище страстно мечтал об игре настоящей, игре взрослых. Когда же наконец сможет он принять участие в их кавалькадах по лесу, в охоте? Каждый вечер под руководством доезжачего или отца, когда тот бывал в замке, Маленькое Сокровище учился садиться на лошадь и ездить верхом. Для него это было самым большим удовольствием. Когда его хотели наказать, его лишали не десерта, а урока верховой езды.

Маленькому Сокровищу хотелось бы пронестись вскачь по лесу, вдоль речки Виор, но он был еще мал и слаб, хотя и начал наконец немного расти.

В Боске, на стене коридора, куда выходили двери ванных комнат, около комнаты Маленького Сокровища матери отмечали рост своих детей: ставилась черточка, имя и число. Маленькое Сокровище часто подходил к этой стене в надежде, что он еще немного подрос. Несколько его младших кузенов уже догоняли его.

Он по-прежнему оставался хилым. Физические силы мальчика не соответствовали его темпераменту. Он мечтал об охоте, а ему запретили даже подвижные игры. И вот, размахивая арапником, он с нетерпением ждал, когда же наконец настанет его час.

Все его мысли были поглощены охотой. Проходя школьную программу с наставниками, под руководством матери, женщины в высшей степени образованной, которая к тому же превосходно знала латынь, он старательно изучал латинский, греческий, немецкий и английский языки. По-английски он уже говорил почти свободно и, чтобы совершенствоваться, взялся перевести целую книгу – это был труд Саль-вена о соколиной охоте... И уж кого-кого, а графа Альфонса выбор мальчика привел в восторг. Ведь это он 1 января 1876 года подарил своему одиннадцатилетнему сыну трактат «Соколиная охота в древности и в наши дни».

На книге граф сделал надпись: «Помни, сын мой, что жить здорово только на природе, среди полей и лесов: неволя приводит к вырождению и смерти».

Эта небольшая книга о соколиной охоте научит тебя ценить жизнь среди широких просторов, и если когда-нибудь у тебя на душе будет горько, то твой конь, и собака, и сокол станут твоими верными друзьями, помогут тебе немного забыться».

* * *

«Забыться», – с грустью написал граф Альфонс, «старик Сашем», как стал иногда называть его сын, после того как прочитал «Последнего из могикан» Фенимора Купера.

«Где бы ни находился папа, можно заранее с уверенностью сказать, что он затмит всех», – с некоторой иронией отмечал мальчик. Слов нет, граф Альфонс, как и прежде, во многом вызывал восхищение Маленького Сокровища. Да и как мог он не восхищаться, если отец способен был в шесть часов утра полуодетым вскочить на неоседланного жеребца и, объезжая его, скакать по лугам! Однажды ночью слуги видели, как граф, держа в руке шляпную картонку и светя себе свечой, собирал грибы. Когда нужно было расчистить в Монфа аллею, он приказал своим крестьянам работать только деревянными лопатами, так как железо, по его словам, металл неблагородный и к тому же «ядовитый». Как-то, чтобы насладиться видом собора Альби, «построенного его предками», ему взбрело в голову разбить палатку из верблюжьего меха прямо перед собором и поселиться в ней с несколькими собаками и соколами.

С годами его чудачества все усиливались. Когда он жил под одной крышей с женой – а приезжал граф Альфонс без всякого предупреждения, и никто не знал, сколько он пробудет, два дня, два месяца или же два года, – графиня Адель горела одним желанием: чтобы он поскорее уехал, и все время со страхом ждала, что он выкинет еще. Его выходки смешали зевак, она же изнемогала от них. Так, во время одного из своих приездов в Боск граф Альфонс вздумал жарить шашлык в гостинной. Он заказал обед по рецепту из России. «Разрешите, дорогая, предложить вам кавказское блюдо...»

«Забыться»... По-видимому, и сам граф Альфонс не был счастлив. Кто знает, может быть, он относился к своей неудачной женитьбе не так уж равнодушно, как это казалось? Может быть, за его равнодушием крылась горечь? И, наконец, разве его, как и графиню Адель, не охватывала тревога за сына, наследника его имени, которым он так гордился?

Порой его взгляд задерживался на мальчишке с грустью и не без жалости. А может быть, даже с некоторой долей презрения. Неужели его сын не пойдет по его стопам? До чего же он хил! Иногда он даже ходит с палкой. С палкой! Тулуз-Лотрек – с палкой!

Да и все родные тревожились за Малыша. Бабушка в своих письмах откровенно говорила о том, что беспокоило всех близких. И тут же она добавляла: «Но он такой чудесный мальчуган, что рассеивает все наши черные мысли». Действительно, сам виновник беспокойства ничуть не унывал и проявлял все такую же бурную жизнерадостность.

Это возлюбленный А...

Это возлюбленный А...

Это возлюбленный Аманды.

Маленькое Сокровище распевал в парке Боска припев модной в то время песенки. В хорошую погоду – сырость он переносил плохо – Малыш ежедневно занимался верховой ездой. На одном из своих любимых коней, Узурпаторе или Волге, под присмотром доезжающего он отправлялся на прогулку, стараясь, насколько возможно, продлить ее. «Трудно сказать, кто из двоих гордится больше – ученик или учитель», – говаривала бабушка, забыв на минуту о своей тревоге.

Верховая езда! Какое это блаженство – сжимать ногами трепещущие бока лошади! Маленькое Сокровище твердо верил, что лошади пройдут через всю его жизнь, что, как у отца, они станут неотъемлемой частью его существования. А пока он утешался мыслью, что недалек уже тот день, когда ему позволят сопровождать отца и дядей на охоту. Но почему же

этот день откладывают, отодвигают все дальше и дальше? Он хотел бы уже сегодня во весь опор мчаться вслед за собачьей сворой. Он верил в свои силы. «С его смелостью и ловкостью он способен преодолевать любые, самые трудные для него препятствия», – писала бабушка. Взрослые с трудом сдерживали нетерпение мальчика.

Ну что ж, раз пока нельзя наслаждаться самой охотой, он будет получать удовольствие от ее плодов, лакомясь за обедом дичью и рисуя натюрморты. В ненастные дни, когда мальчику запрещали ездить верхом, он сидел в замке и вместе со своим дядей Шарлем, который занимался его художественным воспитанием и помогал ему советами, рисовал или писал акварелью. Мальчик сделал целую серию акварелей, на которых он изобразил охотничьи трофеи: красных куропаток, коростелей, зайцев, косуль.

Едва в его руки попадал карандаш или перо, как он принимался рисовать. Стоило ему раскрыть тетрадь, и она немедленно заполнялась набросками. Тут лошади, там коляска, наездники, собаки, птицы, опять лошади, собаки, снова лошади... Он рисовал то, что любил, и в первую очередь животных. Ему нравилось не только проводить время на конюшне или псарне, с не меньшим интересом наблюдал он и жизнь домашней птицы, макак и павианов, которые обычно составляли общество бабушки (часто можно было увидеть, как она гуляет с обезьянкой на плече). Рука Маленького Сокровища сама скользила по бумаге, уверенно нанося линии. Как и его учитель Пренсто, который изредка навещал его, мальчик особенно хорошо умел показать движение. Несколькими скупыми штрихами ему удавалось очень точно передать усилие лошади, которая тащит повозку. Не сказывался ли в рисунках пылкий темперамент их исполнителя? Во всяком случае, почти все они были на редкость выразительны и остроумны. Кроме того, они обнаруживали склонность юного художника ко всему необычному, характерному, к индивидуальным особенностям модели.

В январе 1878 года в Париже Луи Паскаль, тяготясь своей жизнью в лицее Фонтан, мечта о карьере журналиста, вместе со своим товарищем Порталисом стал выпускать газету, пышно назвав ее «Эко франсе». Естественно, он сразу же пригласил в сотрудники своего кузена из Альби. Просуществовала газета недолго, но Малыш все же успел прислать ее издателям сказку «История Пеликана и Угря», «которая всеми была признана очень остроумной».

Маленькому Сокровищу шел четырнадцатый год. Он вырос. Об этом свидетельствовали отметки на стене коридора замка. И если бы не палка, которой он пользовался при ходьбе, можно было бы считать, что дела его неплохи.

Кто подарил мне прекрасного малыша?

Это возлюбленный А...

Это возлюбленный А...

Да, казалось, дела его неплохи. И он пел, радуясь жизни. Скоро лес примет его в свои объятия вместе с его лошадьми, с его собаками. Скоро дичь перестанет служить внуку Черного Принца только моделью для рисунка или акварели – сугубо домашних занятий. Скоро он поскачет по ущельям Виора. Необъятная природа ждала своего нового хозяина.

Маленькое Сокровище пел, радуясь жизни, полный веры в будущее.

И вдруг...

Это произошло 30 мая 1878 года. Анри находился с матерью в Альби. Бабушке нездоровилось, к ней пригласили домашнего врача. Как раз в тот момент, когда доктор выписывал какие-то лекарства, Маленькое Сокровище, сидевший на низеньком стуле, хотел встать, опираясь на свою палку, но сделал это как-то неловко и упал. Его кости не выдержали.

«Перелом шейки левого бедра», – определил врач.

* * *

И вот с тех пор он всю жизнь нес свой крест.

Ногу положили в гипс, и Маленькое Сокровище обрекли на то, что он ненавидел больше всего: на неподвижность. Сам по себе перелом – в общем-то обыденный – не был так страшен, но опасались последствий. С большим трудом удалось поставить на место кости – такие они были хрупкие. Судя по всему, мальчику не легко будет оправиться, хотя перелом, как с грустью говорил отец, был «пустяковый».

По Боску, куда Маленькое Сокровище поспешили перевезти, он передвигался в коляске. Нормальный ребенок после снятия гипса и какого-то восстановительного периода был бы совершенно здоров. Совсем иначе было у Маленького Сокровища. Его кости срастались плохо.

Удрученная, растерянная, графиня Адель не покидала сына ни на минуту. Не зная, что предпринять еще, она приглашала одного врача за другим, пробовала всевозможные лекарства, то впадая в отчаяние, то окрыляясь надеждой. Какой же таинственный недуг точит ее сына? Страшные мысли мучили ее. Неужели именно ее мальчику выпал жребий стать жертвой наследственности? Неужели близкое родство отца и матери вызвало к жизни какую-то дремавшую болезнь? Бедный Малыш, еще вчера он был такой жизнерадостный, а сегодня...

Другие дети ходят, ездят верхом, несутся вскачь, а он ковыляет на костылях по дорожкам, посыпанным песком. Прощайте, лошади! Если ему и придется еще когда-нибудь сесть в седло, то это будет через много недель. Через много-много недель! Как не скоро сбудется его мечта – верхом на Узурпаторе или Волге скакать за косулей!

Но сам мальчик, казалось, не грустил, не жаловался. Он по-прежнему был весел и беззаботен. Он даже смеялся, да так безмятежно, будто ничего не произошло. Конечно – в этом не приходилось сомневаться! – он страдал оттого, что вынужден вести такую неполноценную жизнь, но виду не показывал. Ни за что на свете он не стал бы плакаться на свою судьбу, не хотел, чтобы его жалели. Стараясь успокоить близких, он всю вину принимал на себя: «Не огорчайтесь за меня, – говорил он, – я этого не заслуживаю. Разве можно быть таким неуклюжим!» Какое поразительное самообладание у четырнадцатилетнего мальчика! Его гордость заранее отметала всякое сострадание.

Как только позволило здоровье Маленького Сокровища, графиня Адель снова повезла его по курортам. После курса лечения в Амели-ле-Бен она поехала с ним в Бареж, затем в Ниццу, где они провели в одном английском пансионе всю зиму.

Жизнь в Ницце очень нравилась Маленькому Сокровищу. Средиземное море восхищало его. От нечего делать он мастерил лодки. В то лето, в Бареже, он познакомился с Этьеном Девимом, болезненным подростком чуть постарше его. Этьен советами помогал ему в судостроительстве. Дома Маленькое Сокровище читал, рисовал. В это же время он начал работать маслом.

Подражая манере Пренсто, он написал несколько полотен, на которых были изображены лошади, матросы. Гулял он либо в коляске, либо в кресле-каталке, и его впечатления не отличались разнообразием. Он писал упряжки на Променад-дез-Англе, американские военные суда «Трентхэм» и «Девестешен», которые стояли на причале в заливе. Южная природа пленяла его, хотя пейзажи у него не получались. «Я совершенно не способен написать пейзаж, даже простую тень, – признавался он Девиму. – Мои деревья похожи на шпинат, а море – на все что угодно, кроме моря». А ведь Средиземное море так прекрасно, но его «чертовски трудно передать именно потому, что оно прекрасно». В самом деле, пейзаж, даже морской пейзаж, это нечто незыблемое, а Маленькое Сокровище, хотя он и был обречен теперь на неподвижность, оставался если не телом, то душой, темпераментом все таким же, каким

он был раньше, – человеком действия. Вспоминая счастливые времена, он написал картину «В память о Шантийи», где изобразил себя, Пренсто и Луи Паскаля едущими в открытом экипаже с бегов.

К концу зимы графиня вернулась с сыном в Боск. И здесь они окончательно убедились в том, о чем раньше лишь подозревали, – после перелома Маленькое Сокровище почти перестал расти. На стене коридора последняя его отметина была сделана в сентябре. Новая оказалась лишь на полсантиметра выше. К несчастью, скрытая работа природы этим не ограничилась. Он достиг переломного возраста и очень изменился внешне. Черты его лица отяжелели, губы стали толстыми, выпятились, и голова на его туловище, которое перестало расти, казалась огромной.

Впрочем, врач, очередное медицинское светило, которому показали мальчика, был настроен оптимистично. Снова возродилась надежда. «Это болезнь роста», – заявил он. Нужно соблюдать «активный режим», как можно больше времени проводить на юге, и тогда «наш дорогой мальчик станет статным и крепким». Но не следует обольщаться: «это дело очень долгое, оно требует большого терпения и разумного упорства». Зато, когда минует переломный возраст, «организм возьмет свое, быстро нагонит упущенное». Надежда возродилась.

В тот год в окрестностях Боска происходили военные маневры. Маленькое Сокровище, ободренный утешительными словами врача, ждал выздоровления. Ходить ему стало легче, и он часто отпрашивался посмотреть на солдат. Он сделал несколько этюдов из военной жизни: артиллерист седлает лошадь, батарея, скачущий фельдъегерь.

На лето мать снова повезла его в Барез. Воды помогут ему поскорее выздороветь. Подумать только, прошло уже почти пятнадцать месяцев, с тех пор как с ним случилось несчастье! Пятнадцать месяцев! Просто невероятно! Но главного все же удалось добиться: Маленькое Сокровище с каждым днем держался на ногах все увереннее.

Мать с сыном часто выезжали на природу.

Однажды в августе, когда они гуляли неподалеку от военного госпиталя, мальчик неожиданно поскользнулся и упал в овраг, вернее, в овражек – метр, от силы полтора метра глубиной. Но этого оказалось достаточно. Как и пятнадцать месяцев назад в Альби, его кости не выдержали. Снова перелом шейки бедра. На этот раз правого.

Мать бросилась в госпиталь за помощью, а Маленькое Сокровище сидел в овражке.

Он не заплакал, не издал ни единого стога.

Сидя в траве, он только крепко, изо всех сил прижимал руку к бедру.

Часть первая Трекло (1880–1886)

I

Художник Леон Бонна

*Живопись для меня лишь средство отойти от жизни. Крик в
ночи. Подавленное рыдание. Застрявший в горле смех.¹⁵*
Руо

Зима 1880 года на юге Франции была удивительно мягкой.

Как обычно в это время года, в Ницце царило оживление. Со всех концов света сюда съезжались богатые иностранцы. Уже прибыли принц Уэльский и великие русские князья. К местам увеселений по Променад-дез-Англе, оставляя за собой аромат духов, тянулись великолепные экипажи с роскошно одетыми дамами.

Анри де Тулуз-Лотрек вместе с матерью смотрел на этот поток экипажей, ожидая, когда, погоня четверку лошадей, пронесется в карете его отец. Мальчик смотрел, слушал, вдыхал теплый зимний воздух, в котором соленый запах моря смешивался с волнующими ароматами духов. Опираясь на палку, он с трудом брел, переваливаясь с ноги на ногу.

Ему уже минуло пятнадцать лет. Он остался калекой.

Как хотелось матери утешить его, успокоить. Она все еще надеялась. Но он сам, надеялся ли он? Его переломы оказались роковыми, они как бы отзвонили отходную тому полному иллюзий времени, когда он жил со спокойной уверенностью, что он такой же, как и все мальчишки, жил, не подозревая о таившейся в нем болезни, которая однажды неминуемо обрушится на него.

А она должна была обрушиться неизбежно, и наиболее вероятно – в период полового созревания, именно в этот период. Ему было даровано все, и он разом всего лишился.

Надеяться? Но на что? Сорок дней он пролежал в гипсе в полной неподвижности – сорок бесконечных, безрадостных дней. Потом его перевезли из Барежа в Боск, а затем – в Ниццу. В Боске он снова приковывался к той стене, к которой остальные дети весело прибегали, чтобы лишний раз убедиться, как быстро они растут. А он за год вырос всего на один сантиметр. Он проходил мимо этой стены – «стены плача», как называли ее слуги, сочувствуя мальчику, – с содроганием.

По правде говоря, он все знал и без этой стены. Достаточно было взглянуть на его ноги и руки: такие короткие! Они совсем остановились в росте, а так как туловище, в общем, было нормальное, то фигура получалась нелепейшая. Эта несоразмерность все увеличивалась. Какая же карикатура на него самого получится в конце концов? С каждым днем он делался все уродливее. Толстел нос, губы выпячивались, набухали, нижняя губа нависала над скошенным подбородком. Да и слова, которые произносил этот деформированный рот, были искажены шепелявостью и раскатистым «р», звуки наскокивали один на другой, слоги он сглатывал, разговаривая, брызгал слюной. Фигура его становилась все приземистей, все непропорциональнее, тело теряло гибкость. Кисти коротеньких рук были огромными.

---

¹⁵ Жорж Руо (1871–1958) – известный французский художник. – Прим. пер.

Маленькое Сокровище – кто теперь осмелился бы так назвать его! Лотрек с ужасом отмечал трагическую метаморфозу, которая постепенно обезобразивала его¹⁶.

Анри не узнавал себя в зеркале. Только глаза, удивительно живые, оставались прежними: лучистыми, жгуче-черными, с чудесным блеском. Неужели ему суждено стать уродом, похожим на тех жалких карликов, которые изображены на полотнах испанских художников? Какая нелепость! Как жестоко растоптала судьба его детские грезы! В нем горел все тот же огонь, но тело перестало подчиняться повелительному голосу разума. При малейшем усилии его сковывала глубокая усталость. Рухнули мечты о верховой езде, об охоте. Ему никогда не стать тем, кем он мечтал стать. Никогда. Только теперь, когда возраст пробудил в нем неведомые дотоле сильные чувства и желания, когда в нем заговорила горячая кровь его предков, он, глядя на себя в зеркало, смог до конца понять, какую отвратительную злую шутку сыграла с ним судьба.

По Променад-дез-Англе проезжали красивые беспечные незнакомки. Зимний воздух Ниццы был мучительно нежен. Летом, в Бареже, где он лежал в гипсе, вечерами его иногда навещала кузина Жанна д'Арманьяк. «Я весь день один, – писал Лотрек. – Читаю, но немного – начинает болеть голова. Стараюсь как можно больше – пока не устанет рука – рисовать и писать, а с наступлением темноты жду – не придет ли к моей постели Жанна д'Арманьяк. Иногда она приходит, хочет отвлечь меня от грустных мыслей, развеселить. Я слушаю ее голос, но не решаюсь смотреть на нее. Она такая статная и красивая. А я не статен и не красив».

Лотрек был близок к отчаянию. У него было ощущение, будто он падает в глубокую пропасть. В то время как в подростках его возраста просыпается любовь, он должен подавлять в себе желания, отметать всякие соблазны. Как жестоко поступила с ним природа – она пробудила в нем юношу и тут же лишила юности. Теперь он понимал – и с каждым днем все больше и больше – страстность Тулуз-Лотреков, от которой закипала кровь в жилах, их безудержные чувственные порывы. Ребенком Анри нравилось, когда его ласкали женщины – мать, тети. Нежный по натуре, он любил прильнуть к ним. У него была открытая душа. Теперь он должен затворить ее. Отныне красота не будет волновать его воображение, делать его мягче; она будет вызывать в нем лишь боль и дерзость. Человек ясного, здорового ума, он понимал, что мир – не для него. Что он прочтет в глазах девушек? Лишь отвращение или – еще хуже – жалость!

Жалость! Нет, только не жалость! У Лотрека бывали минуты, полные горечи. Но, сильный духом, он преодолевал слабость. Сетовать на свое несчастье, вызывать сострадание? Нет, этого ему не позволяла гордость.

---

¹⁶ О болезни Лотрека шло много споров. Доктор Ж. Сежурне говорил о запоздалой ахондроплазии, профессор Морис Лами – о несовершенном костеобразовании. Ретроспективно ставить диагноз трудно, но все же, пожалуй, наиболее правильна была гипотеза, высказанная доктором Гастоном Леви. По его мнению, болезнь Лотрека должна быть отнесена к группе полиэпифизарных дисплазий, а точнее, полиэпифизарной дистрофии Клемана. При этой болезни «костная ткань вокруг эпифизов чрезвычайно хрупка и сами эпифизы тоже поражены». А раз так, то переломы Лотрека были, скорее всего, не случайны. «Можно полагать, – пишет доктор Леви, – что переломы произошли на крайне хрупкой шейке бедра или же имел место подвывих, который и послужил причиной падения, вызвавшего перелом шейки бедра. Но нельзя исключить и гипотезу о подвывихе, усложненном вывихом». Во всяком случае, вопреки тем выводам, которые делались после поверхностного изучения биографии Лотрека, не переломы послужили причиной того, что он перестал расти. Лотрек всегда был ниже ростом, чем ему полагалось по возрасту. Переломы были лишь следствием, «трагическим завершением болезни», развивавшейся в результате патологического костного фактора. И очень показательно то, что оба перелома произошли как раз в период полового созревания; болезни такого рода могут не давать о себе знать многие годы (кстати, тогда диагностировать заболевание Лотрека было невозможно, так как рентгенографии еще не существовало) и резко обостряются в период роста ребенка и его полового созревания. Лотрек был обречен с самого рождения; он не мог уйти от своей судьбы. Как здесь не вспомнить о биологическом фатализме, который уже в тот момент, когда мы еще находимся в зачаточном состоянии, по словам Жана Ростана, «безжалостно захлопывает перед нами Двери». Судьба Лотрека – трагическое подтверждение беспощадного детерминизма. (Как удалось установить доктору Леви, одна из кузин Лотрека была карлицей.)

Пряча в самых далеких тайниках души свою тоску и боль, он смеялся и шутил. Только бы его не жалели! «Посмотрите-ка на него, ну и видик: зад толстый, нос картошкой. Вот уж кого не назовешь красавцем!» Легко уязвимый, Лотрек предупреждал насмешки, спешил сам подтрунить над своей клоунской внешностью. Эта бравада служила ему средством защиты, но она тоже была выражением мужества. Раненный в самое сердце, он принял свою искалеченную судьбу как вызов.

Жизнь ускользает от него, но он не даст себя отстранить. Он не отпустит ее от себя. Благодаря карандашу и кисти он окажется в самой ее гуще. Лотрек все время писал и рисовал, но эта страсть не была страстью наркомана, который ищет забвения. Пожалуй, он скорее напоминал потерпевшего кораблекрушение, который из последних сил цепляется за обломок судна. Он сам признался, что одержим живописью. «Моя комната завалена такими вещами, которые даже нельзя назвать мазней», – писал он Девиму. Живопись была для него всем: и времяпрепровождением, и убежищем, и способом обмануть свое жизнелюбие. Но главное – она помогала ему утвердить себя как в своих собственных глазах, так и в глазах окружающих. Прозябать в бездеятельности, превратиться в калеку, которого все холят? Нет и еще раз нет! Ну, а чем он мог заниматься помимо живописи? Ведь у него не было выбора! Острота глаза – это единственное, что ему даровано.

Он не изменил своим излюбленным сюжетам. Главное в его «меню» по-прежнему лошади, упряжки, лодки, собаки. Его произведения, выполненные в светлом колорите, со знанием дела, были полны движения. Его альбомы испещрены зарисовками любимых лошадей. Он досконально, с наблюдательностью знатока изучал их движения. «Я напишу таких красавцев скакунов!» – сказал он отцу. «Да, намалевать их ты можешь!» – ответил граф Альфонс.

Ужасная фраза, особенно жестокая потому, что, произнося ее, граф подсознательно гораздо больше думал о себе, чем о сыне! Он скорбел не о нем. Уродство Анри глубоко огорчало его лишь потому, что он обманулся в своих ожиданиях. Он надеялся приобрести товарища по охоте, а лишился даже наследника. Конечно, для мальчика сделают все, что возможно, не пожалеют ни забот, ни денег. Но и только. В остальном же этот калека перестал интересовать его. Граф вел себя так, будто у него никогда не было сына. Рухнули все его надежды. Разочарованный, повергнутый в меланхолию, он одиноко жил в окружении своих суровых соколов.

*Собаки, птицы, оружие, любовь.
За одну радость – стократное горе.
Бегите от бури
И от женщины, как от чумы.
За маленькую радость тяжела расплата
Влюбленных и охотников¹⁷.*

Недостойный отпрыск прославленного и могучего рода, Анри Лотрек стал чужим – и он знал это! – даже для своей семьи. Он был отсохшей ветвью. Трудно найти более убедительный способ подчеркнуть бесспорность этого: свое право первородства, которое естественно должно было перейти к его сыну, граф передал младшей сестре Алике.

«Тяжелый»¹⁸ взгляд Лотрека иногда подолгу задерживался на родителях. В нем вспыхивало возмущение: это они сделали его таким! Но он тут же подавлял в себе это чувство,

---

¹⁷ Эти стихи ирландского графа Макмагона были выгравированы в 1913 году графом Альфонсом на ставнях его соколиного двора.

¹⁸ Мэри Тапье де Селейран.

хотя иногда все-таки не мог удержаться от горькой шутки: «Моя мать – сама добродетель, но она не устояла перед красными штанами». Временами его смех напоминал рыдание.

Он работал. Где бы он ни находился, он работал. Из Ниццы его перевезли в Альби, затем в Селейран и в Боск. В Боске, у «стены плача», он 4 ноября убедился, что за год вырос только на один сантиметр. Он работал без устали. Триста рисунков, около пятидесяти полотен – таков урожай 1880 года.

В Селейране он снова вернулся к пейзажу. В Альби он попытался написать виадук Кастельвьель, вид на который открывался с террасы Боска. Но если его работы, где он передает движение, обладают убедительной силой, если в его портретах тоже есть сила и достоверность, то его пейзажи совершенно безлики. Большие, неподвижные леса, застывшие в августовской тиши виноградники – какие они у него бесцветные! Впрочем, Лотрек больше не любил природу. «Природа меня предала», – говорил он.

А любил он все живое, волнуемое, требующее от человека активности, все то, что напоминало ему его прежний мир, теперь утраченный. И не только это. В человеке или животном его привлекали черты особенные, отличающие их от других. Происхождение и воспитание приучили его признавать только индивида. Его привлекали странности. Они были сродни ему и оправдывали мысль, что каждый человек в какой-то степени урод. О, как разнообразна жизнь! Сколько в ней нелепого и чудесного, возвышенного и отвратительного! Лотрек упивался этим беспрестанно сменяющимся зрелищем. Да, он упивался им, оно в самом деле доставляло ему истинное наслаждение. Он любил рисовать. Рисунок стал для него смыслом жизни. Это была его охота.

Охота.

Во время своих поездок Лотрек обычно вел дневник, в который он записывал свои впечатления, делал рисунки. В январе 1881 года он уехал из Селейрана на зиму в Ниццу. Там родилась «Тетрадь зигзагов», которую он посвятил своей кузине Мадлен Тапье «с благородной целью немножко развлечь ее после уроков мадам Верньет». С большой непосредственностью он из озорства написал смешную сатиру на своих попутчиков в дороге и соседей по гостинице, которые показались ему забавными. Иронический склад его ума, особенно

обостренный тем, что Лотрек вынужден был замкнуться в себе, помогал ему подмечать недостатки и нелепые черты окружающих. «В соседнем с нами номере живут два молодых англичанина. Они восхитительны. С ними две их сестры, обе в розовом, похожие на зонтики, и сопровождающая их мисс – в голубом, с рыжими волосами. Я попытался изобразить ее на лошади, но у меня не получилось».

Ницца, на Променад-дез-Англе.

Лотрек не только рисовал и писал. Энергично и упорно он тренировал свое тело. Он много ходил, плавал и даже занимался греблей. Море – его друг. «Плаваю я быстро и хорошо, – говорил он, – но зато некрасиво, как жаба». Он старательно тренировался каждый день и даже научился нырять с лодки.

За свое пребывание в Ницце (а оно затянулось из-за болезни одной из его теток) он купался не менее пятидесяти раз. Это было для него достижением и доказывало, как отмечал он с явным удовлетворением, что его «двигательные конечности» заметно прогрессировали.

* * *

Из Ниццы Лотрек вместе с матерью отправился в Париж, где он собирался в июле месяце сдать первые экзамены на аттестат зрелости.

Много ли он посвящал времени школьным предметам? Бесспорно, меньше, чем живописи. В Париже «безумную радость» ему принесла встреча с его другом Пренсто. Любовь, связывающая шестнадцатилетнего калеку с тридцатисемилетним глухонемым, проявилась

с особенной силой. Физические недостатки каждого из них еще сильнее привязали их друг к другу. Они встречались ежедневно. Лотрек называл Пренсто своим «мэтром», а Пренсто Лотрека – «сосунком» своей мастерской!

Художник-анималист питал к Лотреку поистине отеческие чувства. Он был очень опечален его «обезображиванием», как он говорил на своем «причудливом» языке. Но Пренсто так же поражали проявившиеся в его подопечном способности. То, что сам он открывал и чего добивался годами, Лотрек усваивал с удивительной быстротой.

По правде говоря, Лотрек подражал ему, «как обезьяна». Он заимствовал его приемы, его мазок, его серьезную и легкую манеру письма, в котором было много света. Не без некоторого влияния импрессионизма, вызывавшего в то время возмущение, в самый разгар битвы (первая выставка группы импрессионистов состоялась в 1874 году, всего семь лет назад) палитра светской живописи светлела. «Нас расстреливают и в то же время залезают к нам в карман», – язвительно заметил Дега. Этот «подправленный и смягченный импрессионизм»¹⁹ проникает и в произведения Пренсто, и соответственно в живопись Лотрека.

Пренсто был в восторге от своего ученика. Относясь к нему с сочувственной нежностью, восхищаясь и удивляясь «растущим успехам», «изумительным успехам» подростка, он широко распахнул перед ним двери своей мастерской, щедро делился с ним тайнами своего ремесла, своей техники. Каждое утро Лотрек отправлялся на улицу Фобур-Сент-Оноре и там трудился бок о бок с художником.

В то время Пренсто вместе с Теофилом Пуальпо работал над большим полотном, посвященным известному эпизоду войны 1870 года – атаке кирасиров в Райхгофене. Он должен был написать всех лошадей этой композиции. Лотрек сделал копии со многих его набросков и среди прочих – с наброска одного кирасира «так удачно, что я просто затрепетал», – как сказал потом Пренсто. Лотрек вставил в альбом эскизов учителя несколько своих рисунков, и Пренсто с трудом отличал их от собственных.

В квартале художников, где жил Пренсто, живописцы и скульпторы часто навещали друг друга. Все они были примерно людьми одного круга. Большинство из них состояли членами светских клубов, постоянно посещали скачки и другие места, где собирались сливки общества. У Пренсто бывали Петижан, Бютен, Лендон и виконт дю Пассаж (его Лотрек написал верхом на лошади). Но два художника особенно притягивали юношу. Один из них – Джон-Льюис Браун, ирландец, уроженец Бордо. Очень трудолюбивый, он в свои пятьдесят два года заслужил завидную репутацию художника – специалиста по лошадям, по батальным и спортивным сценам. Наполеон III купил у него в свое время две картины. Лотрек, которому Браун дал несколько советов, восхищался виртуозностью, с которой тот писал, его глубоким, изумительным знанием лошадей.

---

¹⁹ Эмиль Золя. «Натурализм в салоне» (статья напечатана в «Le Вольтер» 21 июня 1880 г.).

Пренсто в своей студии.

Второго звали Жан-Луи Форен. Этот стройный молодой человек – ему не было еще и тридцати лет – с бледным лицом, острым взглядом и горькими, не по возрасту, складками у рта был почти неизвестен. Он еще не нашел себя. Друг Дега, он выставялся с импрессионистами. На его акварели обратили внимание, но пока что искусство кормило его плохо. Форен большей частью жил в нужде, и время от времени судебные исполнители описывали его имущество. Не дожидаясь, пока они придут, художник осмотрительно стал прятать

свой скарб где-нибудь в надежном месте, иногда даже у графа Альфонса, который ценил его талант. Они были дружны. Обладая неистощимым остроумием, Форен не любил много рассуждать, но беспрерывно зубоскалил, сопровождая свои шутки, язвительность которых вызывала восторг у бездельников, торчавших в его мастерской, громовым смехом, напоминающим звериное рычание. Он был наблюдательным художником и в ту пору стал печатать в некоторых газетах свои рисунки (подписываясь иногда дерзким псевдонимом «Zut» – «К черту»), в которых давал волю своему ядовитому уму.

Лотрек мог слушать Форена без устали. Ему нравился его злой язык, высмеивающий приспособленчество, посредственность, претенциозность, тупоумие, подлость. Он любил рассматривать его работы, наброски из парижской жизни, бытовые сценки, схваченные в кафешантане, за кулисами театров, мюзик-холлов или в «Фоли-Бержер». Какой блеск! Как остро! Вот это настоящий рисунок! Форен умел несколькими штрихами показать облик, сущность, психологию своей модели. Ни одной лишней черточки: скупая экспрессивность, передающая непосредственное впечатление, врезающаяся в память своей искренностью. Великолепные рисунки!

На улице Фобур-Сент-Оноре не скучали. Лотрек почувствовал, что здесь он заново рождается на свет. Где еще мог он научиться с такой иронией относиться к своей судьбе? Разве Пренсто из-за своего физического недостатка был лишен удовольствия наблюдать за окружающей его жизнью? Ну и что из того, что он глухонемой! Он смеялся над своими товарищами по несчастью, у которых не хватало силы воли жить, как все нормальные люди. Его наброски были полны фантазии и бодрости. Лотрек в общении с ним получал не только уроки живописи, но еще шлифовал свой насмешливый ум.

Джон Льюис Браун. Дрессировка собаки.

Иногда Пренсто по вечерам водил своего подопечного в театр или в цирк. Последний в то время был в моде. Пренсто и Лотрек почти всегда ходили в цирк Фернандо, который находился в деревянном здании на бульваре Рошешуар. Он считался в то время лучшим, и туда устремлялся весь Париж²⁰.

В цирке обоих друзей привлекали главным образом лошади, первоклассные наездники и наездницы, отличавшиеся поразительной ловкостью. Лотрека увлекали также выступления акробатов, жонглеров, эквилибристов, дрессированных животных, рискованные полеты воздушных гимнастов. Он любил совершенство, даже больше – он поклонялся совершенству! Истинное искусство в любой области, и особенно физическое мастерство, вызывало у него восторг. Его зачаровывали эти сильные, гибкие люди, сумевшие полностью подчинить себе свое тело. Они с легкостью, без тени усилия, преодолевали все трудности, словно их просто не существовало.

«Ну разве это не прекрасно?» – восклицал он в восхищении. Паяцы напоминали ему о его собственном уродстве. Но они смеялись, смеялись над своей неуклюжестью, над своей нелепостью. И он тоже смеялся. Над собой. В фантастическом, волшебном свете цирка запудренные лица клоунов, шутовские маски, печальные и смешные, были вызовом человеческому горю, пародией на него.

Игра света и теней – только ради этого ходили в театр Пренсто и Лотрек. Диалог для них не существовал. Они его и не слушали. Их интересовали декорации, игра ярких красок костюмов, когда актеры двигались по сцене. Газовые рожки рампы – тогда они одни или почти одни освещали сцену – бросали снизу вверх тусклый, желтоватый, какой-то странный свет, который менял очертания лиц, делал их контрастными, накладывал на них неестественные светотени, очищал их от всего будничного и придавал необычайную выразительность малейшей мимике. Театральное освещение – тоже маска.

А разве мог не любить маски Лотрек, этот замкнутый юноша с израненной душой?

---

²⁰ В 1898 г. это здание было перестроено и стало называться цирком Медрано, по имени нового владельца (он же был клоуном Бум-Бум).

Жан-Луи Форен. В городском парке.

Эдгар Дега. Мисс Ла-Ла в цирке Фернандо.

К школьным занятиям он относился все более и более небрежно. Они перестали его привлекать. Жизнь захлестнула его. Он вкушал жизнь. Отныне он хотел лишь одного – заниматься живописью. Она принесет ему удовлетворение, она станет для него утешением.

В этом его желании была какая-то доля каприза. Каприза разочарованного подростка. Но было в нем и нечто более серьезное: кто знает, быть может, настанет день, когда он своими работами докажет всем, и себе в том числе, что он «отнюдь не неудачник». А раз так – какое значение для него теперь имеют латынь и литература? И он учился спустя рукава. Результаты не замедлили сказаться: в июле на выпускных экзаменах он провалился, и именно по французской литературе.

В досаде он из фанфаронства заказал себе визитные карточки с таким текстом: «Анри де Тулуз-Лотрек, засыпавшийся по литературе». Но, как он ни сопротивлялся, осенью ему придется снова держать экзамены, ведь его мать и слышать не хотела, чтобы он отступил, почти достигнув цели.

* * *

Вскоре после этой неудачи мать с сыном уехали на юг. Лотрек снова будет лечиться на курорте, на этот раз в департаменте Эро, в Ламалу – курорте с «источниками, содержащими железо и (легкую, как говорил доктор) дозу мышьяка».

Городок очень не понравился Лотреку. «Отвратительная дыра с рыжей землей, – писал он Девиму. – Намного мрачнее Барежа, *quod non est paululum dicere*»²¹. Он был занят тем, что «промывал себя снаружи и изнутри», и смертельно скучал. Девим предложил Лотреку работу, доставив ему этим большую радость: закончив новеллу «Кокотка», он попросил его сделать к ней иллюстрации. Лотрек, в восторге от того, что друг обратил внимание на его «мазню», как и следовало ожидать, поспешил ответить на лестное для него предложение согласием.

Сюжет «Кокотки» не отличался оригинальностью. Это была история старой кобылы, которая, отслужив в армии, спокойно доживала свой век у деревенского добряка кюре. Но вот как-то в деревню прибыл полк, в котором она когда-то служила. Услышав звук трубы, кобыла «в отставке», увлекая за собой кюре, понеслась вскачь за солдатами. Значение этого слабенького рассказа состояло в том, что он зажег Лотрека и заставил его, не теряя ни минуты, приняться за выполнение заказа друга. С легкостью и удовольствием он сделал пером двадцать три рисунка. На рисунках, где лошади были изображены в движении, они были необычайно выразительны.

Закончив работы, Лотрек тотчас же выслал рисунки Девиму. Они свидетельствовали о том, что художник ясно представляет себе, чего он ищет в искусстве, и, приступая к рисунку, он уже видит его.

«Я старался изобразить правду, а не идеал, – писал он. – Возможно, это и порочно, но я не опускаю ни одной бородавки, мне нравится украшать их вьющимися волосками, закруглять их и привлекать к ним внимание».

Свое сопроводительное письмо Лотрек подписал: «Начинающий художник». Он трепетно ждал мнения Девима и потому просил его ответить незамедлительно. «Напишите мне побыстрее. Я волнуюсь». Как он жаждал удачи! Обиженный жизнью, он теперь сомневался во всем, и в своих способностях – тоже.

Когда Лотрек получил от Девима похвальный отзыв, он был вне себя от радости. «Я прочел ваше милое и снисходительное письмо, и мне показалось, будто я немножко тронулся, – писал он, признательный и растроганный. – Я даже не помышлял о таком счастье:

---

²¹ О ней даже и сказать нечего (*лат.*).

я послал вам свои жалкие наброски, и вы же меня благодарите. Вы с таким вниманием отнеслись к моим рисункам! Оставьте у себя те, что вам нравятся... Короче, – заканчивал он свое письмо, – я совсем потерял голову, я счастлив, я в восторге от мысли, что, может быть, ваша проза, как фейерверк, украсит мою галиматью, что вы протянете мне руку помощи на трудном пути к признанию и, наконец, что я вновь обрел нашу старую дружбу, которую время сделало еще крепче»²².

Продолжая готовиться – ничего не поделаешь! – к выпускным экзаменам, Лотрек много времени отдавал живописи. В Селейране и в Боске, куда он вернулся после курорта, он заставлял своих близких позировать ему и писал их портреты.

Своих добровольных натурщиков он изображает не без язвительности. Если в портрет матери, которую он уважает и любит, он вкладывает всю свою сыновью нежность, то остальных он не щадит. Одного из своих кузенов, мальчика лет десяти, он написал во весь рост, высокомерно глядящим на индюка, которому это явно не по вкусу. Отца Лотрек изобразил в его любимом кавказском костюме: в башлыке, с соколом на левой руке, он сидит верхом на лошади, на которую надета сбруя, принадлежавшая некогда знаменитому имаму Кавказа Шамилю-эфенди. А вот животных Лотрек писал с большой нежностью. Портрет белой лошади Газель, созданный им, – настоящий портрет! – глубоко трогает своей удивительной проникновенностью.

Сочная, уверенная манера письма Лотрека придавала его произведениям большую убедительность, в них уже чувствовалось мастерство. В портрете старого священнослужителя – красное лицо на красноватом фоне – Лотреку удалось передать внутренний мир этого кюре, который, опустив голову, погрузился в какие-то мысли. Модель, видимо, позировала недолго. Мазок легкий и отрывочный. «Когда я рисую, – писал Лотрек Девиму, – мой карандаш так и бежит, и ему надо дать волю, иначе – трах! – и все кончено». Это относилось и к его кисти²³. В ноябре, в Тулузе, Лотрек снова сдает экзамены на аттестат зрелости, на этот раз удачно. 22 ноября он весело сообщает об этом из Альби Девиму: «В экзаменационной горячке я совсем забросил своих друзей, живопись и вообще все, что заслуживает в этом мире внимания, во имя словарей и учебников. И вот, наконец-то, тулузские экзаменаторы объявили, что я выдержал, несмотря на глупую шутку, которую я выкинул, отвечая на вопросы по поводу eusses!

Я привел несуществующие цитаты из Лукиана, а преподаватель, боясь обнаружить свое невежество, рассыпался в похвалах». И новоиспеченный бакалавр не поленился набросать пером шаржированный портрет этого преподавателя: невероятное самодовольство, лысый череп, огромные очки. «Наконец-то все позади»²⁴, – заканчивает свое письмо Лотрек.

Итак, дело сделано. С этим покончено навсегда. Никакие силы не заставят теперь Лотрека готовиться к следующим экзаменам на аттестат зрелости. Теперь он будет писать, и только писать. Ни о чем другом он не хочет и слышать. Он не намерен больше тратить время на это тоскливое занятие – подготовку к последним экзаменам, – которое все равно ему ничего не даст.

Мать сдалась. Она не могла противоречить сыну. Если живопись действительно его призвание, пусть будет так. Она хотела только одного: чтобы он был счастлив. Судьба и так уже жестоко обидела ее сына! Мало того, насколько это в ее силах, мать будет помогать

²² Вопреки надеждам «жемчужина прозы» Девима не помогла художнику завоевать признание. Новелла его друга не была напечатана. Она увидела свет много позже (Edition du Chene, 1953), но, разумеется, только из-за рисунков Лотрека.

²³ Сохранилось около сорока картин, написанных Лотреком в 1881 г., которым датировано это письмо.

²⁴ Это последнее известное нам письмо Лотрека, адресованное Девиму. Кажется, отношения между Лотреком и его другом из Бареза довольно скоро после этого письма стали весьма прохладными. Девим был очень религиозен. Тридцать лет спустя, в 1910 г., потеряв мать, он постригся в монахи. Прежде чем уйти в обитель, он решил отослать графине Адель восемь писем, некогда полученных им от Лотрека.

ему. Ведь занятие живописью вполне совместимо с достоинством их рода. А кроме того, «дама Палитра», пожалуй, поможет несчастному мальчику не думать о том, чего он будет лишен. Боже мой, в семнадцать лет он наверняка еще не подозревает о тех горьких переживаниях, которые его ждут. Какая девушка его круга согласится выйти за него замуж? Если он останется в своей среде, в обществе резвых молодых людей и соблазнительных женщин, что ждет его, кроме унижения? Так пусть, если это доставляет ему удовольствие, он лучше рисует.

Мать смирилась. Дядя Шарль отнесся к этому с воодушевлением. А Пренсто заявил, что у «сосунка» «поразительный талант» и, вполне возможно, «блестящее будущее». Что касается графа Альфонса, от него не приходилось ждать возражений. Хорошо ли его сын знает латынь, собирается ли он проводить свои дни, сидя в кресле, или же ему взбрело в голову малевать – какая разница! Если потомок графов Тулуз-Лотреков неспособен на единственно стоящие занятия – охоту и верховую езду, – то и говорить не о чем.

Воодушевляемый мыслью о том, что он будет «независим в искусстве», как утверждал Пренсто, Лотрек отнесся к своему увлечению очень серьезно. Живопись становилась для него вопросом жизни. Он хотел взять реванш, добившись успеха в той единственной области, которая его привлекала.

Раньше он работал от случая к случаю. Живопись была для него как бы забавой, и он полагался только на свое дарование. Теперь он подошел к этому продуманно, решив поступить в Школу изящных искусств и подготовиться для этого в какой-нибудь известной мастерской. «Подумать только, будь мои ноги чуть длиннее, я никогда бы не занялся живописью!» Но раз судьба сделала его уродом, он будет писать. Он станет настоящим художником. Пусть не Фореном, но если бы он смог писать так, «как его большой друг Пренсто или как Джон-Льюис Браун!»²⁵ Вот о чем он мечтал! Уроки Пренсто ему дали много, но этого было уже недостаточно. Он должен двигаться вперед, неукоснительно подчиняясь более строгой дисциплине. Пренсто был согласен с ним, он посоветовал Лотреку окончательно перебраться в Париж и поступить в мастерскую Леона Бонна.

Бонна, которому было сорок восемь лет, только что избрали в Академию. Известный художник-портретист, пользующийся большим успехом, он был и художником «миллионеров». Бонна как никто другой подходил для того, чтобы руководить потомком Тулуз-Лотреков на тяжком пути в искусство. Его уроки, уроки «мсье Бонна» – его величали так же, как некогда величали мэтра из Монтобана «мсье Энгра», – были в традициях классической французской живописи, которую импрессионисты – эти революционеры, эти мазилы – пытались очернить. С мсье Бонна все заранее было известно. Юный Лотрек имел много шансов сделать под его суровым руководством блестящую карьеру, о чем мечтал для него Пренсто, – стать одним из тех художников, которые высоко котируются, пользуются успехом в Салоне и в свете, а отдельные из них – самые ловкие! – попадают во Французский институт.

Кстати, Ферреоль, ювелир из Альби, друг Тулуз-Лотреков, знаком с одним банкиром, брат которого, Анри Рашу – ему двадцать пять лет, – тоже собирается стать живописцем и учиться у Бонна. Рашу обещал рекомендовать Лотрека своему учителю.

Лотрек приехал в Париж в марте. В конце месяца Пренсто представил его Бонна, и он поступил в мастерскую художника в тупике Элен.

Графиня Адель полностью одобрила кандидатуру учителя и радовалась перспективам, которые благодаря ему откроются перед ее сыном. Лотрек тоже был доволен.

²⁵ Таде Натансон.

II

«Священная роща»

Мимо него, обгоняя друг друга, проходили всякие парижские знаменитости.

Куда они идут? – спрашивал себя Прометей.

Андре Жид.

«Плохо прикованный Прометей»

Каждое утро у мастерской Бонна останавливался фиакр, на котором приезжал Лотрек.

С помощью коротенькой палки с загнутой ручкой, которую он шуточно называл «крючком для ботинок», Лотрек неуклюже, с большим трудом выбирался из экипажа. Тяжело переводя дух, он старался удержать равновесие, затем утиной походкой торопливо шел в мастерскую; шмыгнув в угол, к своему табурету, опирался на него огромными ладонями, подпрыгивал и наконец усаживался. Ноги его болтались в воздухе.

В первые дни ученики, возможно, и хихикали, глядя на этого гнома, у которого туловище держалось на крошечных ножках, спрятанных в брюки в черную и белую клетку, на его голову, которая казалась слишком большой, на его толстый нос, оседланный пенсне в металлической оправе, и толстые губы, мокрые от слюны, скошенный подбородок, на котором начала пробиваться черная щетина, жесткая как проволока. В мастерских художников любят позубоскалить. А может быть, ученики, предупрежденные Рашу, и воздерживались от едких насмешек. Ведь Лотрека сюда рекомендовал Рашу. Когда пришел впервые, Лотрек невозмутимо – во всяком случае, внешне невозмутимо! – пожал всем руки, выдержал устремленные на него взгляды. Всякий раз, попадая в общество, где его не знали, он испытывал неловкость, больше того – стыд. Но он пересиливал себя. Он мужественно выдерживал любопытство окружающих, поднимал голову и при ходьбе сильнее, чем обычно, переваливался с боку на бок, словно говоря: «Да, это я, ну и что из того?»

Действительно, что из того?

Он понимал, на какие унижения идет, решив, несмотря ни на что, жить как все. Он все обдумал и знал, что его ждет. Он не из тех слабовольных людей, которые закрывают глаза на действительность. У него нет выбора – или такая жизнь, или никакой. Остаться на положении калеки, быть окруженным вниманием, но презирать себя! Покой – и в то же время отвлечение к самому себе. Уж лучше умереть! Его знатное происхождение, его богатство – все это напоминало заржавевшие ключи, которые не могут отпереть ни одну дверь. Вход в мир был закрыт для него. Если он хочет проникнуть в него, ему придется добиваться этого собственными силами, заслужить иной титул. Вот так младший отпрыск какого-нибудь знатного рода, лишенный наследства, уезжает в заокеанские страны, чтобы сколотить себе состояние. Лотреку хотелось бы стать врачом или хирургом. Ему по душе орудовать скальпелем, изучать человеческий организм. Но при его физических данных об этом нечего и помышлять. Его удел – искусство. Только искусство поможет ему добиться права, о котором он мечтал, – права дышать одним воздухом со всеми людьми.

Вначале Лотрек с трудом приспосабливался к жизни мастерской. Уж очень все в ней отличалось от той среды, в которой он вырос. Он тосковал, но настойчиво боролся с собой. И с упорством, достойным его далеких предков, воинственных альбигойцев, он с головой уходил в работу.

Лотрек жил полной жизнью.

За короткое время он покорила своих товарищей. Как полагалось по традиции новичку, он щедро – праздник так праздник! – угостил их: были пунш, белое вино, устрицы, кулечки с

жареной картошкой, сигареты и сигары. Но не только угощением завоевал Лотрек симпатии своих соучеников. Главное заключалось в нем самом. Потомок крестоносцев мог бы держаться высокомерно, а он был необычайно прост. Юноша, с которым судьба поступила так бессердечно, мог бы озлобиться, стать угрюмым. А он был сама приветливость. Он не вымещал на других свои беды, не искал виноватых. Его дружелюбие, его умение расположить к себе трогали людей. Ничто, казалось, не способно было его удивить, шокировать. Его интересовало все. Он был такой душевный, такой общительный, что, едва успев познакомиться с ним, люди переставали замечать его уродство. Привыкший к жизни в большой семье, он легко вливался в коллектив. К тому же дружба была необходима ему. Совершенно незащищенный, он страшился одиночества, откровенно искал поддержки. Друзья были благодарны ему за это. Если бы он ныл, жаловался, от него все бы отвернулись. Но он первый смеялся над своим несчастьем, с готовностью подтрунивал над собой. «Я ликерная бутылка», – шепелявя, говорил он и при этом гримасничал, пародируя себя. Он развлекал зрителей, сознательно подчеркивая свое уродство только с целью самозащиты, с намерением отвести удар: ведь тогда смеялись не над его уродством, а над его гримасами. Но кто мог проникнуть в его душу? Кто знал, какие муки испытывает «маленький обрубок»?

Лотрек пленял своей честностью, своим независимым поведением, живостью, мальчишеством, фантазией. Ему прощали все: капризы избалованного ребенка, раздражительность, то, что он мог, всплыв из-за какого-нибудь пустяка, резким словом обидеть тех, кого больше всего любил: Рашу, с которым он сошелся очень быстро, или Адольфа Альбера – двадцатилетнего юношу, относившегося к нему с большой нежностью. Впрочем, хорошее настроение быстро возвращалось к нему. Даже самый посредственный каламбур способен был развеселить его. Если кто-нибудь начинал напевать, он тут же подхватывал.

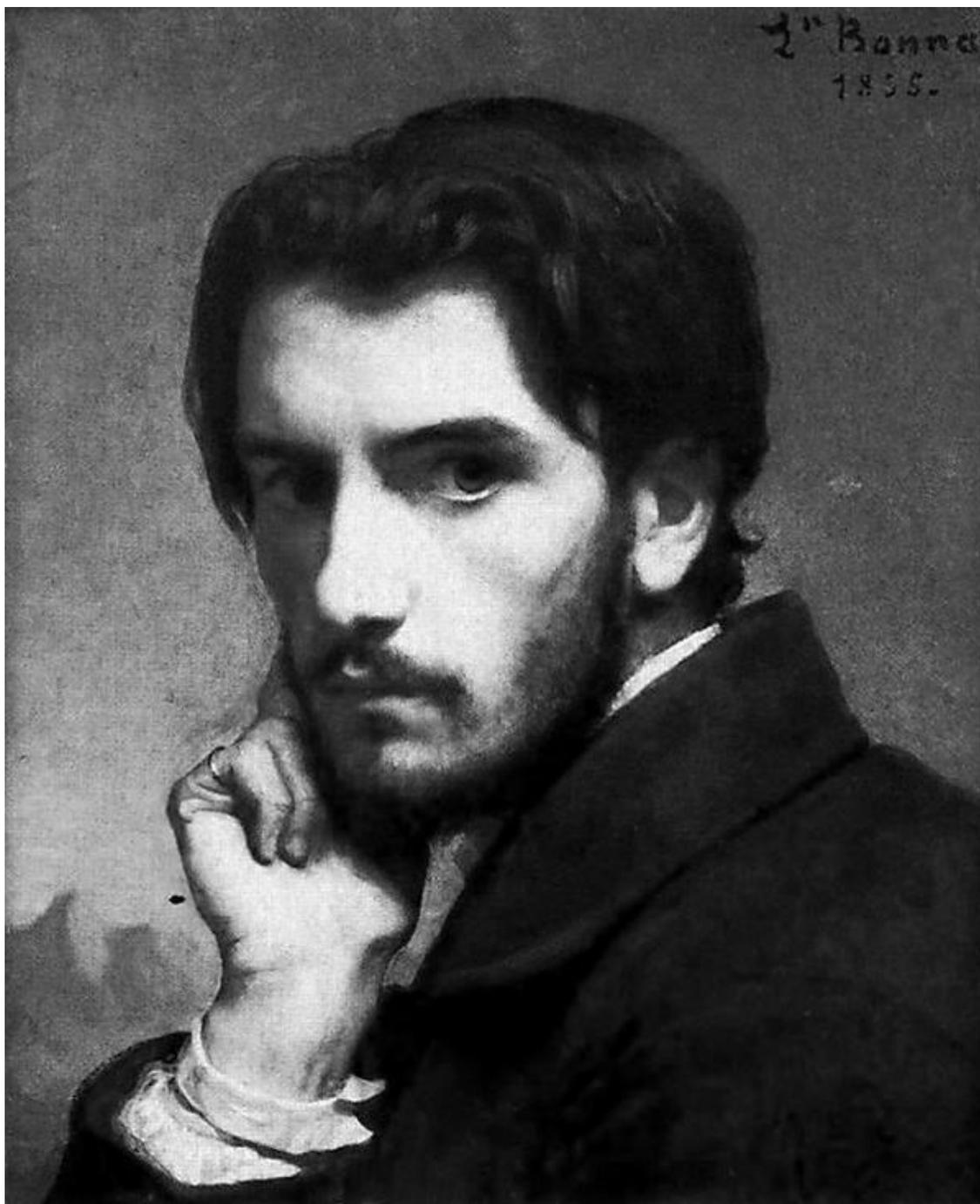
Тем не менее у Лотрека на все был свой собственный взгляд. Он проявлял трезвый ум по отношению к себе, а также к остальным и мог быть вполне беспристрастным судьей, так как сознавал, что лично он вне игры. Среди окружавших его молодых людей он сразу же угадывал тех, которые никогда ничего не достигнут. Эти слабовольные, болтливые, лицемерные ничтожества, прикрывавшиеся красивыми словами, считали, что для того, чтобы стать художником, достаточно внешне подражать истинным мастерам²⁶. Лотреку все это было противно. Нет, он не хочет разыгрывать из себя художника. Его внешность и без того обращала на себя внимание, и это было достаточно мучительно. В его трагичной жизни нет места комедии. Но он не выносил также, когда комедию разыгрывали другие. Ему было чуждо самомнение, прожектерство. Он любил людей прямодушных, таких, которые ничего из себя не строили, но зато сами по себе были личностями незаурядными.

Лотрек работал с большим усердием. По утрам – в мастерской Бонна; во второй половине дня – у Пренсто или Рашу. Еще до поступления к Бонна он овладел некоторыми тайнами ремесла, но вел себя у него так, словно ничего не знал. Он начинал с азов. Все с самого начала. Покорно слушал он советы знаменитого художника, стараясь применить их практически. Не зная усталости, рисовал углем.

Первые замечания Бонна, надо признать, были не очень обнадеживающими. «Мэтр сказал ему, – писал Пренсто родным Лотрека, – что у него странные краски, и еще – что он рисует, как ребенок». Это было ужасно, но критика мэтра только увеличила энергию Лотрека. Бонна «подсыпал ему перца в кровь». Лотрек тут же стер – да здравствует хлебный мякиш! – только что сделанный рисунок и с новым рвением принялся за работу. Разве мог он несерьезно отнестись к мнению мсье Бонна, художника, «величие которого, – говорил он в одном из своих писем к дяде Шарлю, – не позволяет мне задавать вопросы»?

²⁶ «Я не помню случая, – говорил потом Рашу, – чтобы Лотрек ошибся в оценке наших товарищей. Он был поразительным психологом».

В строгом сюртуке, с орденами, которые он менял в зависимости от того, куда направлялся, этот прославленный портретист бывал в посольствах, в министерствах, в великосветских салонах.

Леон Бонна. Автопортрет.

Для того чтобы заказать Бонна портрет, было мало одного желания. Не каждый, кому приходила в голову такая фантазия, мог добиться этого. Портрет у Бонна – удел избранных, он стоит очень дорого. К этому надо готовиться, как к посвящению в рыцарство – «постом, молитвами, всяческими лишениями, – шутливо писал один журналист, – а когда вы полностью проникнетесь важностью предстоящего события, закажите себе платье для портрета

Бонна (существуют специальные модели). Заручитесь рекомендацией генерала, министра или посла, и тогда, и только тогда, мсье Бонна согласится запечатлеть вас во весь рост, чопорной, сверкающей как хрусталь и освещенной сверху».

Недовольный своим маленьким ростом, Бонна искусственно увеличивал его с помощью каблуков. В разговоре он закидывал назад голову и не говорил, а вещал. Несмотря на то что он двадцать пять лет прожил в Париже, у него сохранился баскский акцент. Зарабатывал Бонна очень много; большую часть денег тратил на коллекцию картин, которую с любовью и упорством все время пополнял²⁷.

Он был рьяным поклонником старых мастеров и смиренно признавал, какая пропасть разделяет его и Веласкеса или Микеланджело; когда он говорил о «Сикстинской мадонне», голос у него дрожал.

Бонна «неласков со своими учениками, – писала графиня Адель. – Возможно, это доказывает, что он действительно относится к ним серьезно». Своей суровостью, своей непоколебимой верой в принципы, которые он считал бесспорными, Бонна вызывал у Лотрека уважение. В Бонна Лотрек видел идеал настоящего мастера, именно такого, каким должен быть истинный художник в представлении Тулуз-Лотреков. Значит, чтобы тоже добиться признания, «не остаться неудачником и здесь», Лотрек должен сделать все, чтобы Бонна был им доволен.

Лотрек выполнял все требования учителя. Если раньше им руководил только собственный вкус, то теперь он подавлял его, сдерживал свои порывы. Он прилежно копировал античные гипсы, усердно, в академической манере, рисовал обнаженную фигуру. Он любил яркие краски. Под влиянием Бонна его палитра мрачнеет. Его этюды становятся безликими, сухими – в духе его учителя.

Лотрек продолжал бывать на ипподроме, вращался в своем кругу, ходил в светские клубы, посещал и выставки. «Изумительная выставка в великолепном помещении», – сообщал он дяде Шарлю об акварелистах, ошеломленный такими картинами, как «Жительница Беарна» Жаке и «Тунисские сцены» Детайя. Салон тоже привел его в восторг. «Там есть что посмотреть! – восклицал он. – Взять хотя бы „Портрет де Шаванна“ Бонна, „Праздник 14 июля“ Ролла, „Последние минуты Максимилиана“ Ж.-П. Лоуренса». Лотрек восторгался теми картинами, которые получили общее признание. В общем, за племянника дяди Шарля можно было не беспокоиться, он встал на правильный путь.

Но иногда у Лотрека вдруг проскальзывало сомнение. Когда Бонна твердил ему, что его рисунок «просто-напросто ужасен», он верил своему учителю, набирался мужества и начинал все сначала, стараясь подавить в себе все самобытное, свою уже тогда ярко выраженную индивидуальность прирожденного рисовальщика, лишь бы у него получалось так, как требовали. «Когда вы пишете ноги модели, смотрите на ее голову», – говорил ему этот художник-идеалист. Разве это не странно?

И не странно ли также, что о Бонна, человеке, который окружен почетом, имя которого произносится окружающими с таким почтением, молодые художники складывают насмешливые песенки, так, будто член Института для них не является величественным представителем искусства.

*Бонна,
Ты специалист по сюртукам.
Вот это да,
Вот это да.
Их подгоняешь к сапогам.*

---

²⁷ В дальнейшем он подарил коллекцию своему родному городу, музею Байонны.

*Вот это да,
Вот это да.*

Почему такое неуважение? В марте, как раз когда Лотрек приехал в Париж, на улице Сент-Оноре, недалеко от сите Ретиро, открылась седьмая выставка импрессионистов. Известно, пошел ли Лотрек посмотреть на произведения знаменитых импрессионистов, всяких там Моне, Ренуаров, Писсарро, Сислеев, Берты Моризо и других, чья живопись была полным отрицанием всего, что Бонна и подобные ему художники утверждали и писали. Но, во всяком случае, трудно поверить, чтобы Лотрек не слышал о них. Ученики Бонна много спорили. Их вкусы не всегда, да, отнюдь не всегда совпадали со вкусами учителя. Некоторые из них давали понять, что импрессионисты, Мане например, представляются им весьма интересными художниками. (Неужели в Салоне, где Лотрек будто бы отметил только Бонна и Ролла, он не задержался перед большим полотном Мане «Бар в „Фоли-Бержер“»? Но он ни слова не написал об этом дяде Шарлю.) Возможно, что Лотрек, находясь под влиянием художественных предрассудков своей среды, и удивлялся высказываниям товарищей, но, во всяком случае, они открыли перед ним новые горизонты, именно благодаря им он понял, что в 1882 году французская живопись не ограничивалась произведениями официальных художников, членов Института, которые выполняли заказы светских дам.

Пребывание в мастерской Бонна, однако, не прошло для Лотрека без пользы. Здесь он узнал законы композиции, здесь он понял, что без дисциплины не может быть плодотворной работы, что, если он хочет осуществить свои планы, ему придется все с большим и большим упорством развивать и укреплять свой талант.

* * *

Летом Лотрек снова уехал на юг. В последний раз он вытянулся у «стен плача»: один метр пятьдесят два сантиметра. Больше он не вырастет. Он иронически сравнил себя с апостолом Симеоном, этим «немного насмешливым коротышкой, который, склонив голову», притулился в одной из ниш собора Альби.

Наслаждаясь рисованием и живописью, Лотрек за время каникул накопил немало полотен и рисунков углем. Он сделал несколько пейзажей, этюдов с изображением лошадей, много портретов. Все члены семьи по очереди должны были позировать ему: мать, бабушки, дядя Шарль, дядя Амедей, кузины и кузены. В поисках модели он обращался к крестьянам и слугам, платя им по семьдесят пять сантимов за час. Лотрек трудится много и с большой пользой и достиг огромных успехов. В произведениях этого периода у него чувствуется собранность, появился свой почерк. Вдали от мастерской Бонна его палитра снова светлеет. Лучшие его полотна залиты светом, в особенности портреты молодого Рути. Что это? Влияние импрессионизма? Или влияние художников Салона, которые тяготели к деревенским мотивам – тогда это стало модно! – таких, как Бастьен-Лепаж и Жюль Бретон?

Не все работы этого периода²⁸ у Лотрека равноценны. Он в поиске. В одних его полотнах чувствуется непосредственность и тонкость – это оценил бы Сислей! – другие написаны пастозно и темно.

Среди многочисленных моделей, которые ему позировали в Боске, был и некий папаша Матиас, завсегда в кабаре. Лотрек написал его портрет: тяжело опустив голову на скрещенные руки, папаша Матиас сидит, навалившись всем телом на стол, перед полупустым стаканом с вином. Потрясающе реалистическая картина! Папаша Матиас смотрит на художника. Его испитое лицо, изборожденное длинными морщинами, его тусклые глаза убедительно

---

²⁸ За 1882 г. насчитывается около сорока полотен.

передают состояние отупения, вызванное алкоголем. По своей простоте это полотно может служить документом, историей болезни: вот до какого падения доводит пьянство.

Папаша Матюас.

Алкоголь – это волшебный яд. Лотрек со своими друзьями по мастерской часто бывал в кафе. Он не скупился и любил только хорошие напитки. Ему охотно составляли компанию. Он тоже не заставлял себя долго упрашивать. Чревоугодник по натуре – «я гурман, как кошка епископа», – признавался Лотрек, – он пробовал и пил все, что доставляло такое же наслаждение, «как вид павлиньего хвоста». И потом алкоголь развеивает тоску. Лотрек пил не для того, чтобы забыться, нет! Он пил ради удовольствия. Но помимо удовольствия вино вызывало в нем «то перевозбуждение, то иступленное состояние, которое придавало ему силы и заменяло веселье»²⁹. Когда выпьешь, все так упрощается, становится настолько легче на душе!

Пятого сентября в замке Боск праздновали открытие новой часовни. На эту церемонию прибыл его высокопреосвященство Бурре, родезийский епископ. Обращаясь с алтаря к Лотреку, епископ отечески предостерег его: «Дорогой сын мой, вы избрали профессию самую прекрасную, но и самую опасную».

---

²⁹ Таде Натансон.

* * *

Когда осенью Лотрек вернулся в Париж, его ждали перемены. Бонна распустил свою мастерскую. Его ученики сначала растерялись, но потом попросили другого знаменитого художника, Фернана Кормона, принять их к себе. Так вместе со своими друзьями Рашу и Адольфом Альбером Лотрек поступил в мастерскую, открытую автором нашумевшего «Каина» на улице Констанс, на Монмартре.

Картина «Каин», сюжет которой навеян «Легендой веков» Гюго, два года назад, в 1880 году, была главным событием Салона. Государство поспешило ее купить, чтобы обогатить национальное художественное собрание. Это полотно было ярким подтверждением всеми признанных достоинств Кормона, художника с мировым именем, которому под силу большие исторические сюжеты. Кормон был сыном водевилиста, автора «Двух сироток». Он учился у Кабанеля и Фромантена. После «Смерти Магомета» и «Свадьбы нибелунгов» (за эти произведения он в 1870 году, в двадцать пять лет, получил свою первую медаль) Кормон написал эпизоды из индусской мифологии, затем «Каина». «Каин» натолкнул его на другие доисторические сюжеты, достойные его кисти. Теперь он погрузился в каменный век. Красивых девушек, которые позировали ему, он облачал в звериные шкуры, а юношей с Монмартра превращал в охотников на белых медведей и жителей свайных хижин. По-видимому, из-за его вкусов, а также из-за его крайней худобы – он был тощ, невероятно костляв, с угловатым маленьким лицом, редкой бородкой, выпуклыми глазами и тяжелыми, нависшими веками – его прозвали «Папаша Коленная Чашечка». Но, несмотря на такую непочтительность, Кормона все уважали. Что же касается Лотрека, то он считал, что у Кормона «могучий и суровый талант».

Фернан Кормон.

Ученики обожали Кормона. Его успех не помешал ему остаться простым и сердечным человеком. В тридцать семь лет он был все таким же веселым и беспечным, как в юности, и все титулы и почести не остепенили его, не сделали надменным. Как и прежде, он принимал участие во всех проказах. Когда его наградили орденом Почетного легиона, молодые художники устроили маскарад. Кормон, вооружившись бутафорской шпагой, шагал во главе карнавального шествия рядом с одним из учеников, который держал над ним раскрытый зонтик. У Кормона Лотрек попал в совсем иную обстановку, чем у Бонна с его встрясками. И все же он сожалел о своем бывшем учителе. Кормон показался ему слишком снисходительным. У автора «Каина» не было суровости Бонна, и он удовлетворялся заданиями, выполненными, по словам Лотрека, «приблизительно». Лотреку приходилось самому заставлять себя делать больше, чем от него требовал учитель. Это ему не нравилось, нервировало его. Ему хотелось, чтобы его «подгоняли».

Кормон приходил в мастерскую два раза в неделю. Как птичка, он порхал от одного мольберта к другому, подправлял картины и рисунки, подсказывал, что нужно исправить еще, одним говорил, что им следовало бы побольше работать в «плоскостях», другим – что неплохо было бы покопировать Веронезе.

После ухода учителя жизнь в мастерской снова текла своим чередом. Ученики – а их было около тридцати – галдели, распевали фривольные песенки, рассказывали смешные, чаще скабрзные истории. Лотрек, хотя внешне это никак не выражалось, чувствовал себя среди своих товарищей неуютно. «Мне мешает куча всяких моральных соображений, – говорил он, – которые надо обязательно отметить, если я хочу чего-то достичь».

Фернан Кормон. Ревность в серале.

Но чего именно достичь? Этого он не знал. Все шло не так, как ему хотелось бы. На его взгляд, он завяз где-то на посредственном уровне. «Я отнюдь не возрождаю французское искусство, – пишет он, – я сражаюсь с несчастным листом бумаги, который не причинил мне никакого зла и на котором, уверяю вас, у меня не получается ничего хорошего». Да, он не из тех самоуверенных хвастунов, которые могут вызвать зависть. По отношению к себе он не знал снисхождения, но зато всегда с радостью превозносил работы некоторых своих друзей, например Луи Анкетена, сына мясника из Этрепани. Анкетену сам Кормон предсказывал блестящее будущее, и несколько его полотен – это была высшая награда! – даже украшали стены мастерской.

«Папа, конечно, обозвал бы меня аутсайдером», – говорил Лотрек. Охраняя семейную честь, граф Альфонс попросил сына взять себе псевдоним. Лотрек было отказался, но потом, чтобы его «оставили в покое», с грустью покорился. Он стал подписываться анаграммой своей фамилии – Трекло – или же совсем не ставил подписи.

Его хотят лишить даже имени! Лотрек с горечью размышлял о своей жизни, но тут же отгонял от себя эти мысли. Вечером, когда он возвращался в сите Ретиро, мать заключала его в свои объятия. Прибежище нежности! Графиня Адель была ненавязчиво внимательна, она знала, как страдает ее дитя. При ней не было нужды хорохориться. Он снимал маску. Ученик Кормона, который в мастерской смеялся, гримасничал, звонким голосом подхватывал омерзительные припевы, уже не бодрился. Под взглядом матери он окунался в голую и жестокую действительность. И он давал волю своим чувствам. Его покоряла эта любовь, которой мать старалась утешить его, любовь, в которой он так нуждался.

Любовь матери пронизывала его, но и терзала. Завтра он снова поедет на Монмартр и между двумя шуточками, паясничая, бросит: «Эх, хотел бы я увидеть женщину, у которой

любовник уродливее меня!» Мастерская встретит эту остроту взрывом смеха. Потом, возможно, кто-нибудь заметит, что вот Папашу Коленная Чашечка тоже нельзя назвать красавцем, однако же это не мешает ему содержать одновременно трех любовниц, и это ставилось ему в большую заслугу.

Трекло!

«Дорогая мама, – писала графиня Адель, – молитесь за него. Пребывание в мастерской с точки зрения профессии дает ему очень много, но это тяжкое испытание для молодого человека!»

* * *

Монмартр 1882 года был еще почти таким, каким его описывал в «Октябрьских ночах» Жерар де Нерваль: «Мельницы, кабаре и зеленые беседки, тихие деревенские уголки, спокойные улочки с хижинами, сарайчиками и густыми садами, зеленые луга, прорезанные глубокими оврагами, на дне которых вдоль глинистых берегов текут ручьи, постепенно смывающая небольшие островки зелени, на которых пасутся козы, обедающая на скалах листья аканта; маленькие девочки с гордым взглядом и поступью горянок пасут их, играя в свои игры».

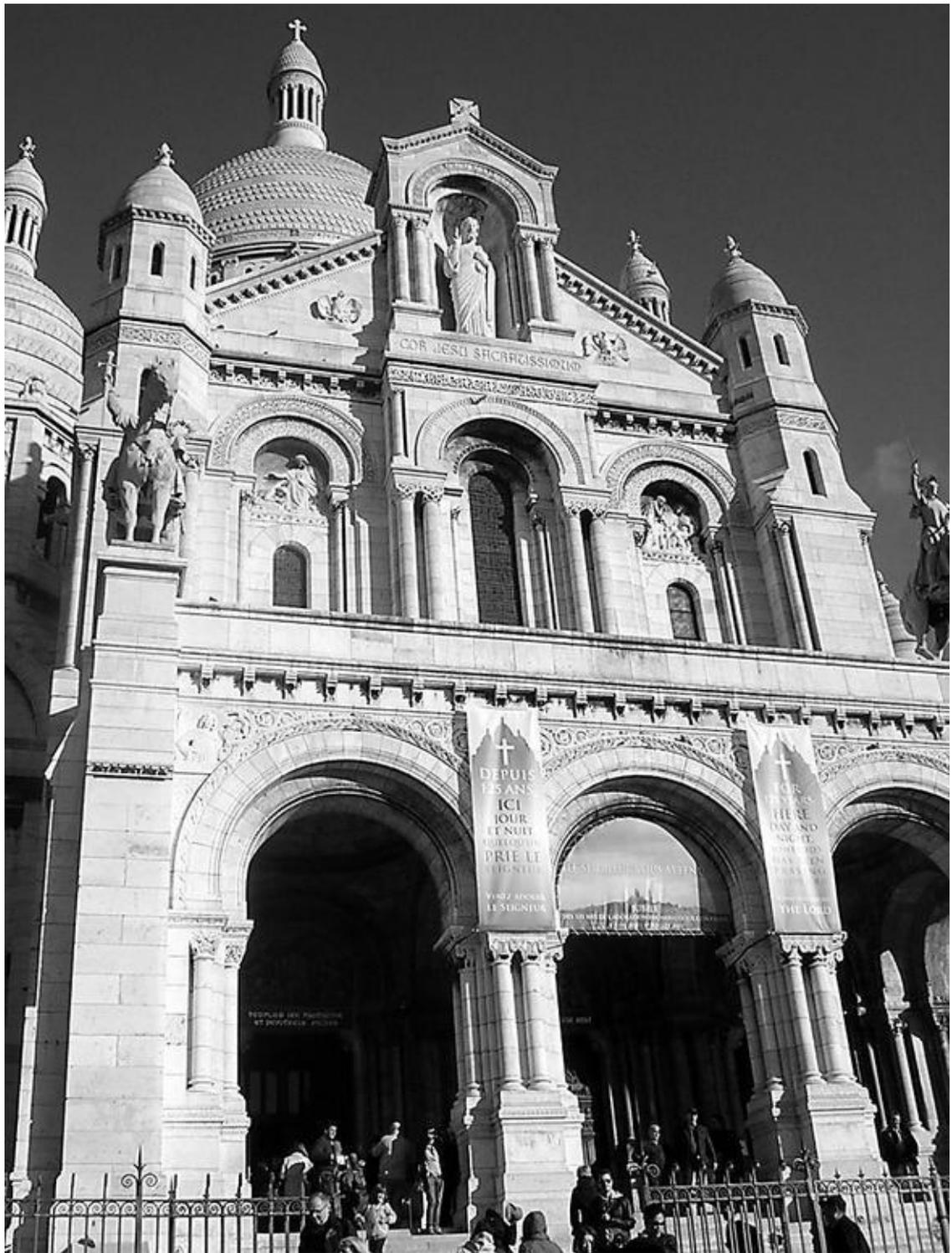

Монмартр. Современный вид.

Садики. Грабовые аллеи. Пустыри. Монмартр еще не так давно был пригородом – его присоединили к Парижу лишь двадцать лет назад, в 1860 году, и поэтому этот район столицы все еще сохранил провинциальный облик. Тишиной, широким горизонтом, открывавшимся с холма, каким-то особенным освещением, а также дешевой жизни Монмартр привле-

кал многих художников. Постепенно то тут, то там появлялись мастерские. После 1870 года Монмартр стал менять свой облик.

На вершине холма медленно строилась церковь Сакре-Кёр, которую было решено возвести после поражения 1870 года. В нижней части Монмартра появились такие кабаре, как «Ла гранд пинт», «Ле плю гран бок», «Оберж дю клу». На бульваре Рошешуар, в кабачке под названием «Ша-Нуар», открытом неким Родольфом Сали, с недавнего времени встречались поэты, куплетисты и художники. Кроме того, на Монмартре было много заведений, где танцевали. Продолжали танцевать в «Мулен-де-ла-Галетт». Там сохранилась еще деревенская обстановка и даже две из тридцати мельниц, крылья которых некогда крутились на холме. Танцевали и на бульваре Клиши в «Рен-Бланш» и «Буль-Нуар», возникших еще в эпоху Второй империи и уже доживавших свои последние деньки, в то время как «Элизе-Монмартр» благодаря энергии нового хозяина притягивал своей развеселой музыкой толпы гуляк. Монмартр становился все оживленнее. В поисках женщин легкого поведения (а их здесь было все больше) в этот отдаленный район Парижа потянулись кутилы, перед кабачками и кафе при желтом свете фонарей теперь то и дело возникали драки между какими-то подозрительными личностями.

Собор Сакре-Кёр. Современный вид.

Винсент Ван Гог. Огороды на Монмартре.

Винсент Ван Гог. Мулен-де-ла-Галетт.

Улица Констанс, на которой помещалась мастерская Кормона, выходила на улицу Лепик, извивавшуюся по склону холма. Лотрек, прежде чем нанять извозчика, чтобы ехать домой, любил побродить со своими друзьями. «Выпьем по стаканчику?» Некоторые из его товарищей жили поблизости. Рашу, который только что закончил портрет Лотрека (Лотрек отблагодарил его, подарив ему обезьяну, которая, по его мнению, сильно смахивала на министра Мелина), жил на улице Ганнерон. У Анкетена была мастерская на авеню Клиши. В обществе Рашу, Анкетена, Рене Гренье (этот тулузец числился в мастерской вольнослушателем), Шарля-Эдуара Люка или Тампье, который посещал все выставки, часами рассуждал о живописи, но не снисходил до того, чтобы взять кисть в руки, Лотрек, вцепившись в чей-нибудь локоть, ковылял по улицам Монмартра. Ему всегда было грустно расставаться с друзьями. Оставшись один, он чувствовал себя незащищенным: любой хам мог оскорбить его. В компании друзей он не боялся ничего. «Дылда моя», – задрал голову, нежно говорил он Анкетену. Анкетен был на четверть метра выше его и старше на четыре года. У него были резко очерченные черты лица и перебитый нос, который подчеркивал сходство Анкетена с Микеланджело.

Анкетен вызывал у Лотрека восхищение. У него было все, чего так не хватало Лотреку, – железное здоровье, крепкое, мускулистое тело, которое он ежедневно развивал фехтованием и длительными прогулками верхом. Фанатически влюбленный в лошадей, он, пожалуй, даже предпочитал их живописи, хотя и считал, что станет большим художником. Он был непомерно самонадеян и тщеславен. Однажды, когда он пришел со своими товарищами по мастерской в Лувр и экскурсовод предложил им свои услуги, Анкетен с презрительным высокомерием ответил ему: «Зачем? Ведь Лувр создаем мы!»

Талантливый художник, рисовальщик, для которого не существовало никаких трудностей, он был убежден – и говорил об этом! – что станет современным Рубенсом. Он мечтал вести такую же роскошную жизнь, какую вел Рубенс, и, подражая ему, уже носил короткую бархатную куртку и широкополую фетровую шляпу.

Эта самоуверенность приводила в восторг Лотрека. Чего еще мог пожелать Анкетен? У него было все, в том числе и женщины; этот донжуан потерял счет своим победам. Женщины! Сидя в кафе, Лотрек слушал болтовню друзей и разглядывал проходивших мимо женщин. Иногда, заметив его сидящим в углу с красавцем Анкетеном (отчего Лотрек казался еще меньше и уродливее, чем на самом деле, настолько карикатурно выглядел он рядом с приятелем), какая-нибудь девушка вдруг замедляла шаг и зрачки ее расширялись от удивления. Она шла дальше или еще оборачивалась, а он, уничтоженный этим взглядом, в котором она даже не решалась высказать ему свое отвращение, опускал голову, и в горле у него застревал комок.

Ему восемнадцать лет. Страсти бушуют в нем, кровь бурлит, бешено стучит в висках. Мимо проходят девицы в своих шуршащих платьях. Прелестная, мучительная картина. Глаза женщин, их жесты, их руки, их тело! О, как бы он умел любить! Ведь он родился для любви! Любить! Но на что он может надеяться? У всех его товарищей по мастерской есть любовницы, все хвастаются своими романами. А он? Ничего. Он ничего не получит! Никогда ни одна женщина не согласится прижать свои губы к его слюнявому рту. Никогда!

Никогда! Вскинув голову, сверкая из-под пенсне глазами, Лотрек громко отпускал какую-нибудь грубую шутку или же гнусавым голосом, в котором звучала ирония и в то же время грусть, фыркая через каждые три слова (казалось, что он смеется), изрекал: «Любовь – это когда тебя одолевает желание (фырк!), но такое, что хоть подыхай! (Фырк!) Желание, чтобы тебя пожелали (фырк!) А? Что скажешь? Дылда ты моя!»

Все, что Лотрек вложил бы в любовь, он вкладывал в дружбу. Но его привязанность была деспотична. Слабый, нуждающийся в обществе сильных, в их защите, он заставлял друзей приноравливаться к своим капризам, к своим настроениям. Он требовал, приказывал

вал, увлекал их за собой. В кругу друзей он напоминал «генерала, командующего своими солдатами»³⁰.

Луи Анкетен. Женщина с зонтиком.

Все, что он вложил бы в любовь, он вкладывал в работу. В ней находил выход избыток его неиспользованных жизненных сил. Снедаемый чувственностью, он иступленно рисовал, неистово испещрял энгровскую бумагу точными и нервными линиями. Он был не из

---

³⁰ Морис Жуаян.

тех, кто спокойно обсасывает свое произведение. Линии рождались под его пером одним махом, передавая самые характерные черты модели.

Это было не совсем то, чего хотел от него Кормон. Лотрек, по его собственному признанию, самым жалким образом «топтался на месте». «Ах, дорогая моя крестная мама, – жаловался он, – какая это обезнадеживающая профессия! Будьте же мудрее меня и ни за что не отдавайтесь целиком живописи. Если к ней относиться серьезно, как я, она намного труднее греческого или латыни».

К счастью – по крайней мере с точки зрения Лотрека, – Кормон стал более придирчив, чем вначале. «Последние две недели, – писал Лотрек в феврале, – он очень недоволен несколькими учениками, в том числе и мной, шпыняет нас. И вот я с новым жаром принялся за работу».

Лотрек прилагал все силы, стараясь как можно лучше выполнить задания учителя – рисовал разные аллегории: воина, сражающегося с грифом, Икара, сцены из жизни Меровингов, из жизни первобытных племен. По правде говоря, Лотрек все больше склонялся к мысли, что все эти традиционные сюжеты весьма нелепы. Кормон предложил ему написать ряд аллегорических сцен из золотого века под общим названием «Весна жизни», где он должен был изобразить юношей и девушек, резвящихся с пантерами и львами, и, с иронией добавлял Лотрек, «с бронзовыми кастаньетами жрецов Кибелы».

Под влиянием разговоров о живописи, которые велись в мастерской, а они противоречили советам Кормона и призывали брать пример с художников – антагонистов официального искусства – Мане и других импрессионистов, – Лотрека стали одолевать сомнения. Он только что побывал на светских выставках. То ли действительно в этом году там не оказалось шедевров, то ли изменился глаз Лотрека, но, как бы там ни было, в письме к дяде Шарлю он уничтожил их несколькими эпитетами: «Акварелисты – полное ничтожество. „Вольней“ – посредственность. „Мирлитон“ – терпимо». И затем, извинившись за столь «бесцеремонное суждение», добавлял: «Большого они не заслуживают».

Энергия, которую проявлял Лотрек, как только садился за мольберт, поражала его товарищей. Некоторые из них, наиболее чуткие, угадывали его смятение. Они понимали, что за непринужденными разговорами калек скрывается большая горечь, чувствовали, как израна его душа.

Как-то Шарль-Эдуар Люка³¹, жизнелюбивый нормандец, в минуту сердоболия нашел способ излечить Лотрека от мучившего его комплекса. Он знал многих более или менее доступных женщин. Но к кому из них обратиться со столь необычной просьбой? Кто из них согласится посвятить в тайны любви такого уroda? Люка вспомнил о молоденькой натурщице, Мари Шарле, которой он оказал несколько услуг. Она была именно тем «животным», которое подходило для задуманной Люка цели. Тоненькая, как юноша, почти без бюста, с огромными глазами и большим ртом, она, несмотря на свои шестнадцать-семнадцать лет, была знакома со всеми пороками. Выросшая на улице Муфтар, она сбежала от отца-пьяницы, который, напившись, изнасиловал ее, и сняла комнату за пятнадцать су на улице Эколь-де-Медсин. Настоящее животное, она действовала бессознательно, отдаваясь любому, искала все новые чувственные наслаждения, чтобы удовлетворить свои инстинкты.

Ее-то Шарль-Эдуар Люка и бросил в объятия Лотрека.

Мари Шарле!

Вспоминал ли Лотрек те вечера в Бареже, когда четыре года назад он, лежа в постели с гипсом на ноге, с надеждой ждал прихода Жанны д'Арманьяк?.. «Я слушаю ее голос, но не решаюсь смотреть на нее. Она такая статная и красивая. А я не статен и не красив». Стыдливость, нежность, девичья взволнованность... Цветы увяли. Грезы, которые помимо его

³¹ Совершенно бездарный художник, ставший в дальнейшем промышленником.

воли преследовали Лотрека, развеялись. Разврат, распутство, патологическая чувственность – вот с чем познакомила Лотрека проститутка. Здесь не было ничего от истинной любви. Шарль-Эдуар Люка был прав: Мари Шарле пришлась по вкусу эта связь. Уродство Лотрека она находила пикантным.

Мари Шарле возбудила в нем чувство отвращения. Отвращения и презрения. Вот это и есть любовь! Вот это и есть женщина! Вернее, та любовь и тот род женщин, которые ему уготованы судьбой. И нечего самообольщаться. Прежде всего он презирал самого себя. Вот, значит, каков он!

Но он и не самообольщался. Эта падшая женщина была еще одним тягостным подтверждением того, что его жизнь загублена. Он-то боялся, что станет вызывать жалость, а на самом деле пробуждал патологию. Пусть будет так! Он готов к этому! «Надо уметь мириться с собой», – говорил он иногда.

Мари Шарле помогла ему сделать еще одно открытие: он оказался очень темпераментным, и его освобожденная плоть не признавала теперь никаких тормозов. Да и почему он должен был смирять ее? Кого ему обманывать? Чего ему бояться? И Лотрек уступал сумасбродным женщинам. Их и его желания совпадали. Все хорошо.

Все хорошо, несмотря на отвращение, на несбывшиеся мечты, на грусть, которую он тут же подавлял в себе. Ведь Анри-Мари-Раймон де Тулуз-Лотрек-Монфа – всего-навсего Трекло. Вдобавок к искусству ему даровано еще право на наслаждения. И он предавался им так же бурно, как работе. Пусть он прожжет свою жизнь! Что из того? Шутя и смеясь, Лотрек бродил по Монмартрским улочкам.

Постепенно Монмартр становился центром его жизни. С каждым днем он чувствовал себя здесь свободнее, чем где-либо. Париж, казалось, сбрасывал сюда все отребье. Уличные женщины, какие-то темные личности, пари, жившие неизвестно на какие средства, бездельники, бездарные поэты, анархисты, молодые художники в широкополых шляпах, натурщицы и натурщицы в ожидании работы (по воскресеньям на площади Пигаль, вокруг бассейна, устраивалась биржа моделей), нищие сицилианцы в красочных лохмотьях, изображавшие бога, неаполитанки, которые то торгуют своим телом, то позируют для мадонны, красавчики в узких брючках, одинокие дамы – последовательницы Сафо, и разные другие «феномены», говоря языком Лотрека, населяли Монмартр. Настоящий «Двор чудес»³². Все здесь были горбунами – одни физически, другие морально. Любой урод пробуждал любопытство лишь в первую минуту, затем никто уже не удивлялся. Пожалуй, больше всего недоумения здесь вызвал бы обычный, нормальный человек. Лотрек чувствовал себя на Монмартре непринужденно. Его уже знали, привыкли к его виду, никто не обращал на него внимания. Это слияние с окружающей его средой помогло Лотреку обрести душевное равновесие. И относительный покой.

Мало-помалу он отдалялся от своих. Внешне, казалось бы, ничего не изменилось во взаимоотношениях Лотрека с людьми его круга. Он ежедневно возвращался в сите Ретиро; его письма, адресованные в Боск и Альби, как прежде, были ласковыми и доверчивыми. Но в нем происходили глубокие перемены. Пренсто, несмотря на большой успех, который выпал в этом году в Салоне на долю его картины «Интерьер хлева» (она получила медаль), переселился, правда временно, в Жиронду и проводил там больше времени, чем в своей мастерской на Фобур-Сент-Оноре в Париже.

Лишившись общества друга, Лотрек перестал посещать бега. Лошади, конечно, по-прежнему волновали и всегда будут волновать его, но красота существует повсюду, не только на ипподромах. Где бы он ни был, он всюду находил ее, выражая свой восторг возгласами: «А, каково! Ну, что? Разве это не великолепно?» Вызывала в нем восхищение не условная

---

³² «Двор чудес» – квартал в средневековом Париже, служивший притоном нищих. – *Прим. пер.*

красота, которой преклонялись такие люди, как Бонна или Кормон. Лотрек был слишком земной, чтобы уходить от действительности. Его созерцательную натуру, его ненасытное любопытство пленяло лишь необычное в человеке, то, что составляет его индивидуальность. Это – и только это! – толкало его взяться за кисть. Уродство. Но и в уродстве «есть своя красота», нужно только уметь увидеть ее. Ах, какое же это «увлекательное занятие – находить красоту!»

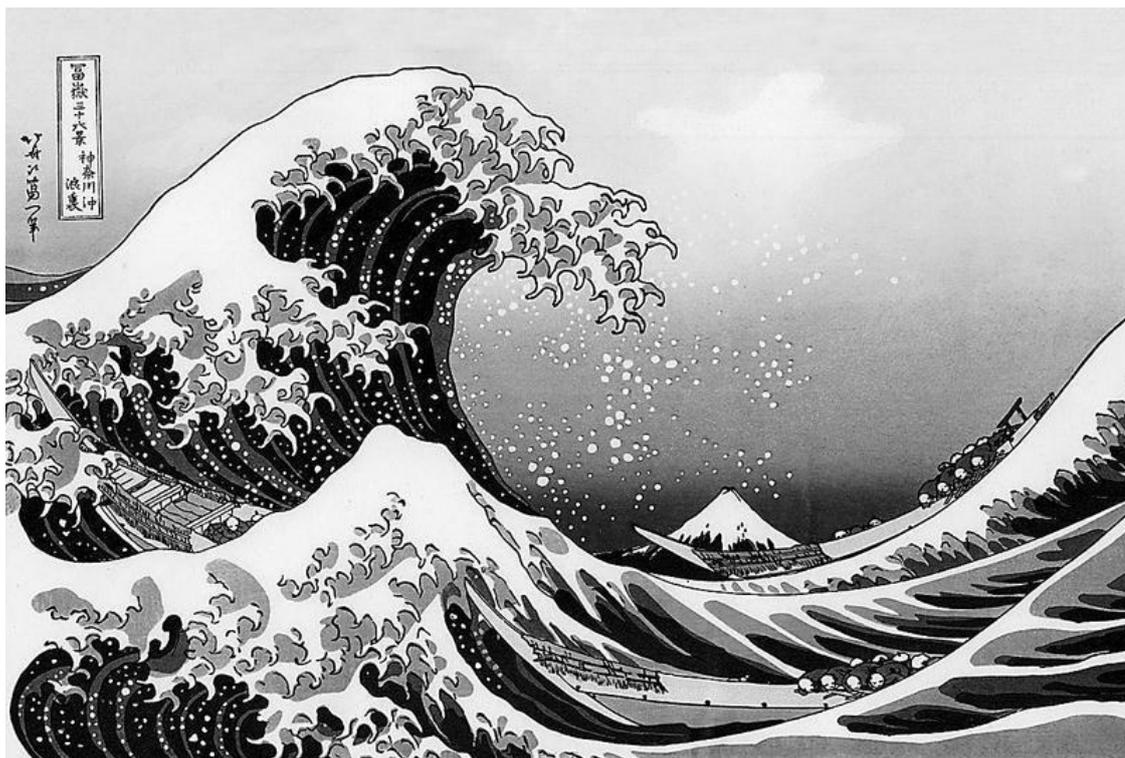
Весной в галерее Жоржа Пети открылась большая выставка японского искусства. Лотрека пленили чистые, нежные краски эстампов, оттеняющие локальные пятна, и доставляющий наслаждение нервный ритмичный рисунок, такой убедительный в своих неожиданных ракурсах.

Сколько очарования в этом легком, лаконичном искусстве, такого чистого письма и столь искусной утонченности. В восторге Лотрек рьяно начал коллекционировать японские эстампы. У него даже возник план когда-нибудь побывать в Японии, в стране низкорослых людей и карликовых деревьев. Мать предложила тотчас же отправиться в путешествие.

Но Лотрек отказался. Он не может уехать, нет, это неосуществимо, ему столькому еще нужно научиться! Лотрек лез из кожи вон, чтобы Кормон был доволен им. Учитель требовал от него идеальных условностей, которые претили Лотреку и приводили его в уныние. Но, несмотря на это, он продолжал упорно работать. «Я не могу, не могу, – писал он в отчаянии. – Я борюсь с собой и бьюсь головой об стену – Да-да! – все это ради искусства, которое не дается мне и никогда не поймет, сколько я страдаю ради него». Изнуряющая бесплодная борьба. Лотрек яростно, с бешенством пытался подавить в себе свое «я», но оно помимо его воли заявляло о себе.

В отличие от Анкетена, который по многу часов проводил в Лувре, с лупой в руке изучал полотна великих мастеров, пытаясь раскрыть секреты их «кухни», Лотрек не способен был оценить эти шедевры – в них он видел лишь превосходную, но совершенно отрешенную от действительности живопись. Исторические персонажи, застывшие в торжественных позах, ангелы, сирены, сатиры... Да, бесспорно, техника у этих художников потрясающая. Но кому все это нужно, если живопись ничего не выражает, если она не является прежде всего способом экспрессивно отобразить правду жизни?..

В мае графиня Адель купила в районе Бордо, в нескольких километрах от Лангона, имение Мальроме, очаровательный замок, башни и башенки которого утопали в зелени покрытого лесом холма. К замку прилегали пятьдесят гектаров земли. По соседству с замком жили кузены графини Адели, Паскали, чье общество она очень ценила. Графиня с сыном провели лето в этом новом имении.

Кацусика Хокусай. Волна.

Мальроме очень понравился Лотреку. Он с удовольствием работал в этом прелестном уголке. Однако, хотя он и нарисовал здесь несколько сцен из сельской жизни, в частности сбор винограда, он оставался верен своему призванию: писал портреты³³. Пейзажи и раньше не прельщали его. Но теперь он отказался от них окончательно. Пейзажи, натюрморты – все это для него лишены смысла упражнения. Его интересовал человек, вернее – человек и животные, но животные остались в раю его детства. Теперь для него существовал только человек. И не какое-нибудь неземное существо, не архангел и не наяда, не приукрашенный, выхолощенный, абстрактный человек, нет. Его интересовал индивидуум. Человек в повседневной своей жизни, на лицо, на фигуру которого годы и испытания наложили свой отпечаток, характерный для этого человека, свойственный только ему.

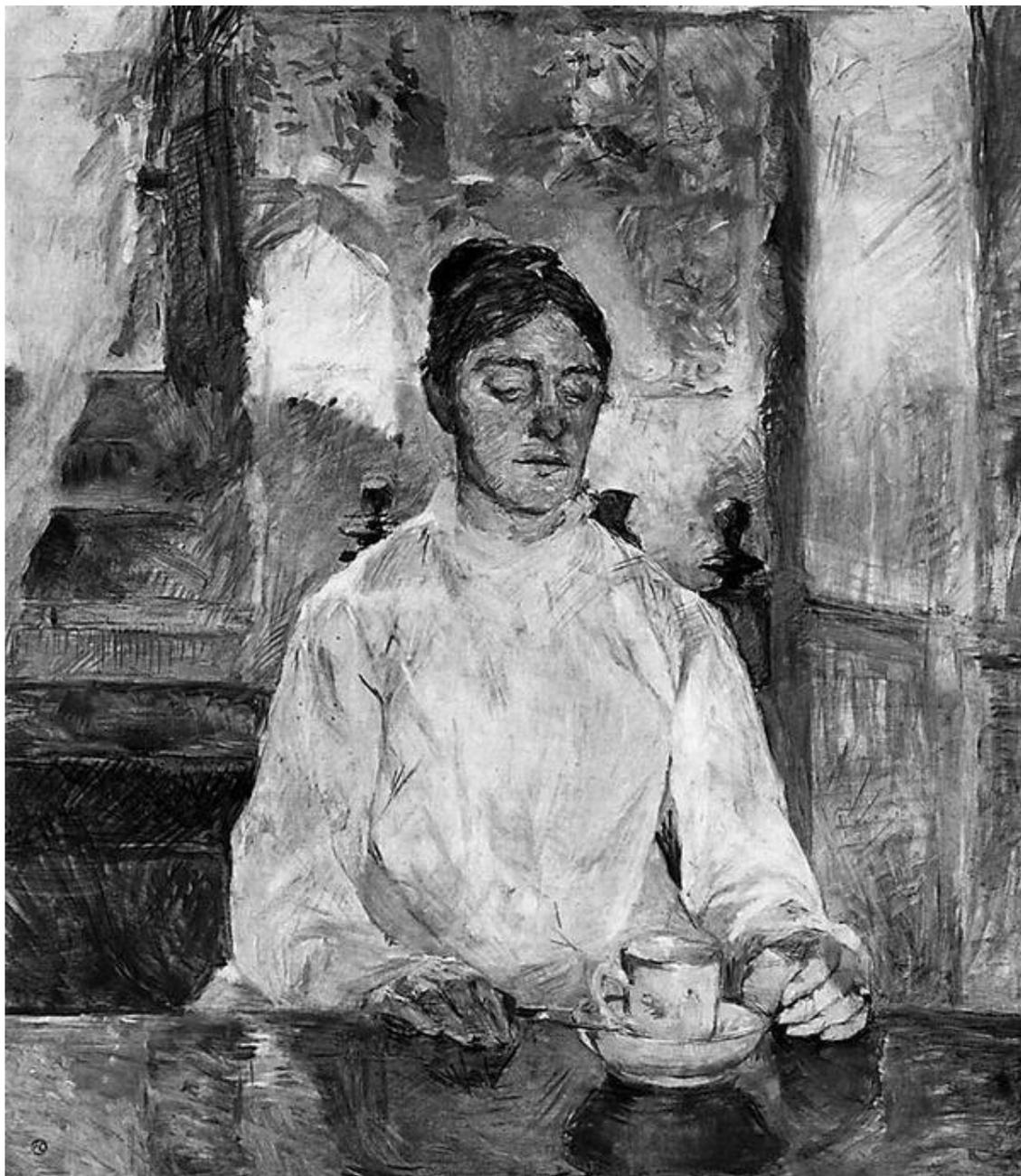
В Мальроме Лотрек снова писал отца и мать. Сохранился портрет матери за завтраком. Опустив глаза, она с грустным, задумчивым видом застыла на стуле перед чашкой.

Проницательный взгляд молодого художника схватывает самую суть модели. Его безжалостная кисть снимает с ее лица внешний лоск. Ничто не выдает в ее портрете графиню де Тулуз-Лотрек. С первого взгляда на лице ее можно прочесть все разочарования, волнения, мучительное недоумение перед жизнью. Обыкновенная женщина, созданная для спокойной жизни, для простого счастья и вынужденная по воле суровой судьбы сносить все выходки мужа, которого, впрочем, она сама себе выбрала, смириться с тем, что ее сын – калека. Униженная и смирившаяся женщина, она ждет новых ударов судьбы и готова принять их, хотя и не без печали, но – раз такова Божья воля – кротко.

Превосходный портрет, написанный человеком, для которого средства выражения играют роль лишь постольку, поскольку они дают возможность сказать то, что он хочет. Страсть к живописи у него – Лотрек, наверное, еще только смутно чувствовал это – лишь страсть к познанию человека. Она у него отождествляется с другой страстью – с любозна-

³³ За 1883 г. им написано около двадцати портретов.

тельностью, которой он одержим, и ее тоже он может выразить только при помощи кисти и карандаша. (Он предпочитал сделать набросок, чем объяснять что-либо на словах; письма писал как попало, нехотя, не думая о стиле.) Кисть – орудие его любознательности. И только.

Мать художника, графиня Адель де Тулуз-Лотрек за завтраком.

После сбора винограда Лотрек расстался с лесом и виноградниками Мальроме и вернулся на Монмартр.

На Монмартр, где многие мужчины и женщины, с точки зрения моралистов, наверное, были падшими существами, но где именно в силу этого люди раскрывались охотнее и свободнее, чем где-либо, с большей откровенностью, бесстыдством и непосредственностью.

Он вернулся на Монмартр, в этот паноптикум, где большинство людей было такими же париями, как и он сам.

* * *

Лотрек трудился не покладая рук. В течение многих недель, в течение многих месяцев. Графиня Адель писала в 1884 году: «Анри работает как одержимый и очень устает».

Похвалы Кормона придавали Лотреку силы в его упорном труде. Кормон не скрывал, что произведения его ученика нравятся ему все больше и больше. Он даже задумал привлечь Лотрека и Рашу наряду с другими художниками к работе над иллюстрациями к сочинениям Виктора Гюго. И это еще не все: Бонна, сам мсье Бонна, благосклонно похвалил работы Лотрека. Чего же желать лучшего?

Графиня Адель была крайне польщена похвальными отзывами о сыне, они говорили о том, что он «кое в чем не самый маленький в мастерской». Возросла ее вера в его будущее. «Похоже, что это и есть призвание Анри, и к этому его влечет больше всего».

Но какую цель он преследовал? Графиня Адель считала, что, с тех пор как два года назад ее сын поступил в мастерскую Бонна, намерения его не изменились: Школа изящных искусств, светские выставки, Салон, почести, и в один прекрасный день – кто знает, все может случиться! – Институт. Иного пути для художника она не представляла. Она не видела, что Лотрек уже свернул с него, не знала, что Монмартр окончательно завладел ее сыном – этого она не могла даже предположить. Для нее Монмартр был неведомым, таинственным краем, вызывающим некоторую тревогу, но настолько непонятным, что она старалась не думать о нем. Ведь Монмартр был так далек от мира, в котором она жила!

Кстати, а разве сам Лотрек понимал до конца, куда его влечет? Одобрительные отзывы Бонна и Кормона поощряли его, доставляли ему истинное удовлетворение. «Я счастлив, что не толкну воду в ступе». – писал он. Возможно, два года назад похвалы учителей имели бы для него большую ценность, чем теперь. Впрочем, кто знает! К Бонна и Кормону он продолжал относиться с глубоким уважением. Пусть у них иные стремления, иное отношение к живописи, это дела не меняет! Страдающий комплексом неполноценности, порожденным его трагической судьбой, Лотрек больше верил в других, чем в себя, всегда был склонен считать себя хуже других.

И все-таки он упорно шел по тому пути, куда его тянуло с непреодолимой силой.

Весной 1884 года, побывав на художественных выставках, он записал свои впечатления. Сколько непочтительности в его оценках, которые он дает с такой непосредственностью и присущим ему озорством! Да, он с похвалой отзывается об «изумительной легкости» Карольюса Дюрана и «сжатом, беспощадном» рисунке Делоне и в то же время не может не отметить, насколько посредственно все то, что он видел. «Помилуйте, мсье Делоне! – восклицает он. – К чему эти зеленые листья, которые безобразно подчеркивают красные тона вашего генерала? Слишком много лавров, мсье Делоне!» «А вы работаете на продажу, мсье Сержан? – с иронией обращался он к другому художнику. – Свою кисть вы вытираете великолепно, здесь ничего не скажешь, но едва ли она внесет вклад в мировое искусство». Верный своей дружбе с Пренсто, он бесцеремонно заявляет: «Мсье Пренсто, видимо, по достоинству оценивает светские выставки. Он представил случайно подвернувшийся под руку набросок, что не помешало ему с честью занять почетное первое место».

Лотрек высмеивает не только картины, но и посетителей, которые любят эту живопись. Все эти представители высшего общества раздражали его своим жеманством, претенциозностью. «На площади Вандом! Какое столпотворение! Сборище мужчин, сборище женщин, сборище дураков! Здесь расталкивают друг друга руками в перчатках, поправляют пенсне в черепаховой или золотой оправе, но все же расталкивают». Этому блестящему обществу Лотрек предпочитал свое Монмартрское окружение.

В Салоне этого года Кормон выставил картину «Возвращение с медвежьей охоты в каменном веке». Картина, вызвавшая восхищение публики, была сразу же приобретена государством. Пюви де Шаванн привлек большое внимание своей композицией «Священная роща, облюбованная музами и искусствами», сделанной для декорирования лионского музея. По поводу этого огромного холста, который, как отмечал один обозреватель, «переносит нас в легкий, гармоничный мир, в райскую безмятежность», мнения учеников Кормона разделились – одни восторгались им, другие его резко критиковали. Что же касается Лотрека, то он отнесся к картине юмористически. В этих полуобнаженных музах, задрапированных в ткани с тщательно выписанными складками, музах на фоне «райской» декорации, говорил он с присущим ему озорством, есть что-то «слюнявое» (так Лотрек называл все, что находил нелепым). Вместе со своими товарищами по мастерской Лотрек за два вечера набросал пародию на картину Пюви де Шаванна, изобразив, как в «Священную рощу» вторгается ватага молодых живописцев, за которыми следит полицейский: себя Лотрек изобразил впереди, спиной к музам, в нелепой позе.

Если бы графине Адели довелось увидеть это полотно, ее наверняка покорило бы такое пренебрежительное отношение к кумирам сегодняшнего дня. Но она пришла бы в еще больший ужас, если бы узнала, кто служил ее сыну моделями. Задумав написать обнаженную натуру, Лотрек³⁴ попросил состарившуюся проститутку, толстуху Марию, попозировать ему.

С большим сочувствием, которое должно было вызвать тревогу его близких, он написал эту женщину с дряблой кожей, с изможденным, чуть ли не скорбным лицом, на котором все печали, все жизненные невзгоды наложили маску отчаяния. Разве смог бы Лотрек с таким чувством написать портрет этой толстухи Марии, если бы он всей душой не разделял ее падение? У нее, как и у него, нет никаких иллюзий. У него, как и у нее, нет никаких надежд!

Лотреку двадцать лет. Постепенно Монмартр завладел им полностью. Теперь он все время проводит здесь, ковыляя по улицам, и, задрав нос, с наслаждением вдыхает смачный воздух, которым он хотел бы дышать всегда. И вот однажды, к великому изумлению матери, он объявил, что хочет окончательно переселиться на Монмартр.

Его решение вызвало протест, ему отказали в деньгах на оплату мастерской. Но Лотрека это не остановило. Он был из той породы людей, для которых их капризы – закон, независимость – страсть. Покинув сите Ретиро, Лотрек попросил своего друга Гренье, который со своей женой Лили жил на улице Фонтен, 19 бис, приютить его.

---

³⁴ Сохранилось всего пять или шесть картин, датированных 1884 г.

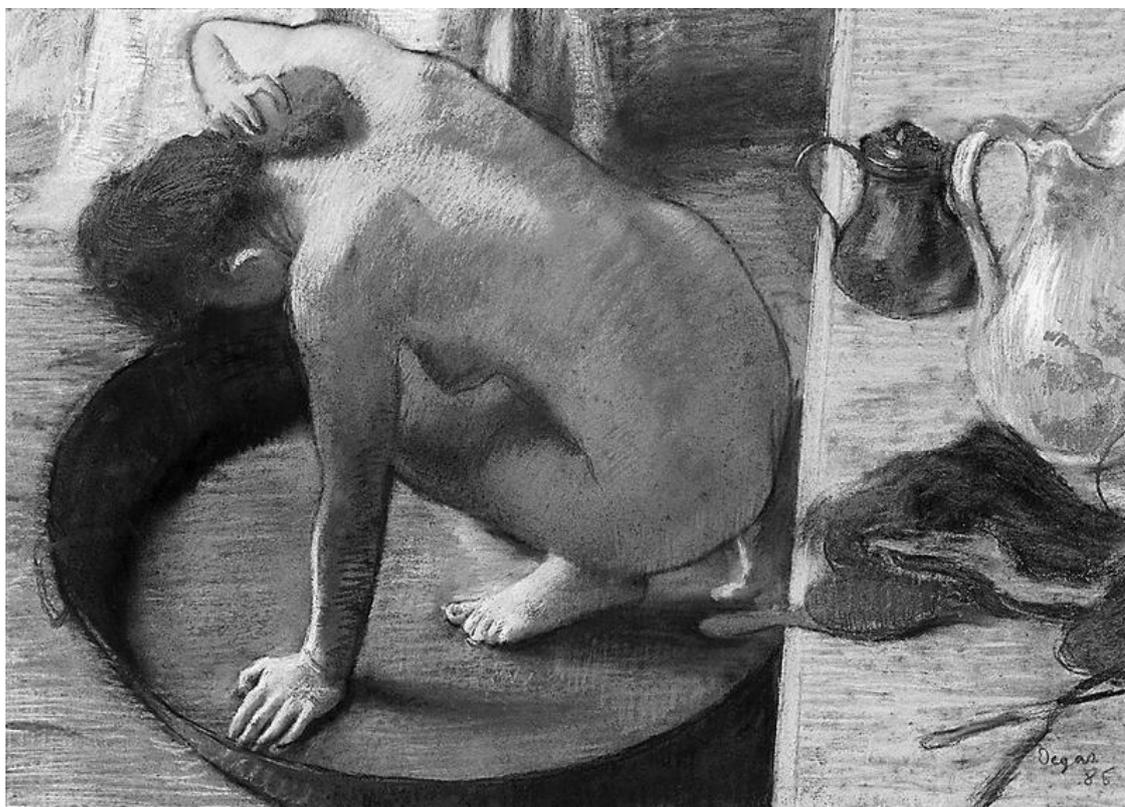
III Монмартр

Что такое Монмартр? Ничего. А чем он должен быть? Всем.
Родольф Сали

Рене Гренье был на несколько лет старше Лотрека. В свое время он добровольно вступил в кавалерию и служил там в чине унтер-офицера. Когда кончился срок его службы, его вызвал к себе полковник. «На кой черт вам оставаться военным, если у вас есть рента?» – стал он уговаривать его и посоветовал выбрать какое-либо другое занятие, которое ему придется по душе, ну хотя бы живопись. И Гренье последовал совету полковника.

Гренье был из очень богатой семьи (его родным принадлежала часть квартала Терн в Париже) и имел двенадцать тысяч золотых франков годового дохода. Живопись была для него развлечением. Отнюдь не лишенный таланта, он брался за кисть только тогда, когда его томило безделье. Но ему нравилось жить среди этой богемы, среди художников, это было ему по душе. Понимал ли Гренье, что он всего-навсего дилетант? Вероятно. Скорее всего, он и Лотрека причислял к той же категории. Впрочем, работы друга ему не нравились.

Этот славный парень, в котором все ценили его добрый нрав, женился на пышной девушке во вкусе той эпохи. Лили, с ее фигурой, созданной для скульптуры, с белоснежной кожей, усеянной крошечными веснушками, с огненно-рыжими волосами, могла бы служить моделью Рубенсу. Дега изобразил ее моющейся в тазу.

Эдгар Дега. Купание в тазу.

С тех пор как Лили девчонкой приехала в Париж из деревни Бри-Конт-Робер и в первый раз позировала принцессе Матильде, ее обнаженное тело во всем своем великолепии представало перед глазами доброго десятка художников. Вокруг нее вились услужливые поклонники, которые жаждали внимания этой богини. Лили прекрасно сознавала, что она привлекательна, и всю пользовалась своей властью. Лотрек окрестил ее «Лили-стерва». Его забавляла ее детская резвость, то, как она радовалась жизни, радовалась своей красоте, радовалась тому, что она так удачно и быстро (ей исполнилось всего двадцать лет) устроила свою жизнь, что у нее есть деньги и возможность тратить их, бросать на ветер. Здоровое молодое животное, которое с упоением вдыхает весенний воздух и носится по траве. Она забавляла Лотрека своими бестактными поступками, своей бесцеремонностью, своей непосредственностью и резкостью, в которых сказывалось ее происхождение.

Она привлекала его, но у него хватало мудрости молчать о желаниях, которые она в нем вызывала. Он подавлял их в себе: не выставлять же ему себя на посмешище, соперничая с ее представительными вздыхателями, такими, например, как актеры Сильвен или Коклен-младший. Он знал, что Лили «не прельщали полукарлики». Но по отношению к нему эта властная женщина проявляла почти материнскую нежность. Она могла взять его, как ребенка, за руку, чтобы перевести через улицу, и постоянно во всем вела себя с ним как лучший и внимательнейший друг. В моменты отчаяния она его не раз утешала. Возможно, что Лили лучше, чем многие другие, понимала калеку, догадывалась о том, чего ему недостает, но на что она никогда не согласилась бы. Лотрек любил бывать в ее обществе. Ему доставляло удовольствие куда-нибудь ходить с ней. Когда они появлялись вместе в кафе или где-либо в другом общественном месте, он гордо вскидывал голову.

Рене и Лили Гренье вели довольно бурный образ жизни. У них было много знакомых, они часто уходили из дому. Лотрек принимал участие во всех их развлечениях. Время от времени Лили устраивала маскарады с участием актеров. Лотрек одевался то женщиной, то японцем, то испанской танцовщицей, которая кокетливо стреляет глазами и обмахивается веером. «Какой неутомимый весельчак! – говорили окружающие. – Как правильно он делает, что не обращает внимания на свое уродство, что он не озлобился!» Но эти маскарады, как и его кривлянье в мастерской (он и на маскарадах, разыгрывая свою роль, не скупился на гримасы), были для него способом забыться, были позой, которой он, как это ни нелепо, пытался хотя бы на мгновение обмануть себя. Видимо, у карликов, которые некогда шли в придворные шуты, для этого были серьезные основания.

Анри де Тулуз-Лотрек.

Анри де Тулуз-Лотрек в японском костюме.

Вечерами Лотрек, супруги Гренье, Анкетен и другие ученики Кормона отправлялись по увеселительным местам Монмартра, число которых все время росло. Монмартр быстро расцветал. «Что такое Монмартр? Ничего. Чем он должен быть? Всем!» – провозглашал Родольф Сали – владелец кабаре «Ша-Нуар», завсегдатаями которого были Лотрек и его друзья. Балагур, вечно выкидывавший какие-нибудь смешные номера, Сали создавал славу Монмартру.

Сын фабриканта спиртных напитков в Шательро, Сали, высокий, рыжий, очень энергичный, до тридцати лет успел переменить десяток профессий и каждый раз терпел неудачу. Он изучал математику, потом занялся карикатурой, гравировал медали, попробовал стать археологом, затем живописцем. Он даже писал декоративные картины в Калькутте. Сколько ремесел – столько и неудач. Но вот в один прекрасный день, в 1881 году, ему пришло в голову превратить свою мастерскую, которую он оборудовал в бывшем помещении телеграфа на бульваре Рошешуар, в артистическое кабаре. Эта идея была не нова. Подобное заведение, кабаре «Ла гранд пинт», существовало уже три года на авеню Трюден. Там встречались писатели и художники, туда приходила изысканная публика, чтобы поспорить о литературе, послушать импровизированные выступления поэтов, певцов, музыкантов. Сали, обладая изобретательностью и хорошо развитой коммерческой жилкой (качества, которым раньше он не сумел найти применения), решил систематизировать то, что принесло популярность – хотя и недолгую! – «Ла гранд пинт».

У Сали был нюх на талантливых людей. Он уговорил группу молодых поэтов и художников, которые именовали себя «гидропатами», покинуть левый берег Сены, где они обосновались в одном из кафе на улице Кюжа, и переселиться на Монмартр. Он сумел доказать им (а его скупость, надо сказать, не уступала его ловкости), что оказывает им огромную честь, предлагая регулярно выступать в его кабаре, что же касается вознаграждения, то они будут получать его в виде напитков – пусть пьют на здоровье, но за свой счет. С тех пор по определенным дням, следуя заранее тщательно разработанной программе, поэты, певцы и музыканты оправдывали доверие «аристократа»³⁵.

Так возникло кабаре «Ша-Нуар». Вскоре со всего Парижа сюда стали приходиться выпить пива (или, как здесь его называли, «меда Сали»). Зал «Ша-Нуар» был обставлен мебелью XVII века (настоящей или стилизованной), стены отделаны ореховыми панелями (на это пошли старинные шкафы), с толстых потолочных балок свисали фонари, в огромном камине стояли таганы и железные подставки для дров. Кабаре украшало бесчисленное количество самых невероятных предметов: ковры, картины, церковные витражи, головы оленей, керамическая, оловянная и медная посуда, доспехи, ржавые мечи, источенные червями статуэтки и недавно появившееся здесь большое полотно Вийетта «Parce Domine», за которое было по-королевски заплачено двести пятьдесят франков. Художник изобразил на нем толпу паяцев, юных художников, уличных певцов и женщин легкого поведения, и над ними, за облаками, – сардоническое лицо смерти.

Среди официантов, одетых в костюмы академиков, купленные у старьевщиков, в маленьком, находившемся за большим, зале, пышно именуемом Институтом и предназначенном для артистов и постоянных посетителей, расхаживал Сали. В сером сюртуке, застегнутом на все пуговицы, черном галстуке, завязанном широким бантом, с бородкой клином, он крикливым голосом провозглашал: «Монмартр – свободный город! Монмартр – священ-

³⁵ Среди прочих завсегдатаев «Ша-Нуар» назовем Альфонса Алле, Эмиля Гудо, Верлена, Жана Ришпена, Мориса Роллина, Шарля Кро, Жана Мореа, Эдмона Арокура, Жана Лоррена, Жюля Жуи, Мак-Наба, Мориса Донне.

ный холм! Монмартр – соль земли, пуп и мозг мира, гранитная грудь, которая утоляет всех жаждущих идеала!» Началом своей славы Монмартр в значительной степени обязан Сали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.